

Валерия Винвуд

СТЕКЛО:

нигрето

18+

Валерия Винвуд
Стекло: нигредо

«Автор»

2026

Винвуд В.

Стекло: нигредо / В. Винвуд — «Автор», 2026

Первая часть книги погружает вас в мир антиутопии, где порядок возведён в абсолют. Сигнум-Сити — город под куполом, где технологии управляют порядком, а магия скрыта за слоями разлома и контроля. Силина Вейр — майор армии "Глобал Корпорейшн" и ключ к нестабильному разлому между мирами. Она потеряла любимого человека в катастрофе, которую официально считают несчастным случаем. Пять лет спустя сигнатуры прошлого начинают возвращаться. Когда дипломатическая миссия переносит её в Аэралис — мир кланов и древней магии — она сталкивается с наследником трона, тайнами собственного происхождения и человеком, которого считала мёртвым. Смок. Его имя снова звучит в тенях. Но правда оказывается опаснее слухов: кто-то управляет разломом, переписывает судьбы и готовит новую катастрофу. Между долгом, любовью и правдой Силина должна решить — защищать систему, которая её воспитала, или разрушить её ради мира, который может уничтожить всё. И когда разлом откроется вновь — выбор станет окончательным.

© Винвуд В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	34
Глава 5	45
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Валерия Винвуд

Стекло: нигредо

«Порядок — не противоположность насилию.

Порядок — это насилие, доведённое до совершенства».

Глава 1

Дождь в Сигнум — Сити никогда не бывает настоящим.

Он не падает — он исполняет приказ. Купол над городом выдыхает его равномерно, будто жрец, читающий заклинание очищения. Капли проходят через алхимические фильтры, лишаются памяти неба, земли, грозы. Их стерилизуют от хаоса.

Каждая капля — выверенная.

Каждая — просчитанная.

Каждая — мёртвая.

Они скользят по моему лбу, по ресницам, по губам. Вода холодная, но в ней нет души. Нет запаха мокрой почвы. Нет шёпота травы. Нет тяжёлого привкуса железа.

Она не щиплет глаза. Не оставляет следов. Не проникает. Она просто существует.

Как и сам Сигнум.

Подо мной раскинулась ночь, которая никогда не темнеет по-настоящему.

Здесь не бывает настоящей тьмы. Только её имитация. Голограммы вспыхивают, как призрачные сигилы. Рекламные панели переливаются ядовитым неоном, словно кровоточащие руны. Над улицами скользят дроны — беззвучные стражи, механические дроны под куполом из стекла и расчёта.

Высотные здания тянутся вверх, острые и хрупкие. Они похожи на кости мёртвого титана, который когда-то попытался пробить небеса — и был наказан.

Сигнум стоит на костях. И не помнит этого.

Внизу — вечное движение. Машины, люди, свет. Поток тел и имплантов, биолюминесцентных татуировок и искусственных глаз. Остатки роскоши, за которые цепляются, будто блеск может заменить смысл. Но я знаю правду.

Роскошь — это просто другая форма страха.

Ветер на крыше сильнее. Он касается кожи — но не пахнет ничем. Даже воздух очищен. Даже дыхание здесь стандартизировано.

Я стою на самом краю. Носки ботинок касаются кромки бетона. Ни страха. Ни сомнений. Только знакомое ощущение высоты спокойное, почти родное.

Поле здесь другое. Здесь оно сжато. Заперто. Как зверь под кожей города.

Я смотрю на здание напротив. Старый промышленный блок Нижнего сектора. Официально — заброшен. Неофициально — дышит.

С его стен давно осыпалась облицовка. Бетон обнажён — тёмный, пористый, словно плоть, с которой содрали кожу. Окна частично заколочены листами металла. Некоторые выбиты. Но внутри — свет.

Тусклый. Жёлтый. Неровный. Не корпоративный холодный белый. Не безупречный голографический.

Живой. Он просачивается сквозь трещины. Через грязное стекло. Через ржавчину. И я чувствую, как внутри поднимается напряжение.

Не страх. Предвкушение.

Сигнум стерилен. Контролируем. Просчитан. Но именно в трещинах системы рождается хаос. А хаос – это то, что поле любит больше всего.

Я стираю воду с лица тыльной стороной ладони. Дождь продолжает падать – правильный, фильтрованный, почти святой. Но под этой искусственной водой я ощущаю другое. Глубже. Под куполом. Под бетоном. Под расчётом. Пульс. Медленный. Слишком живой для этого мёртвого мира – и слишком близкий, чтобы его можно было игнорировать.

Как сердце, которое не должно было продолжать биться – но продолжает. И он бьётся в унисон с моим.

Сигнум думает, что контролирует всё. Но в его тених растёт нечто, что не подчиняется регламенту. И сегодня ночью я собираюсь войти туда, где дождь больше не стерилен, и где город, наконец начнёт кровоточить. Свет в окне дрогнул.

– Майор, подтверждаю двенадцать тепловых сигнатур, – голос Акито звучит спокойно, будто мы обсуждаем расписание. – Три на верхнем уровне. Остальные – в центральном зале.

Ветер под куполом слабый, но на высоте он ощущается острее. Он забирается под воротник, холодит кожу между лопатками.

Акито Вонг – моя правая рука. Единственный, кто говорит со мной без пауз. Без страха. Словно не видит во мне ни угрозы, ни звания – только человека, которого выбрал не бояться.

И, возможно, единственного, кто имеет на это право.

– Выходы? – спрашиваю я, не отрывая взгляда от здания.

– Северный чист. Западный заблокирован. Камеры готовы к отключению.

Я проверяю кобуру. Металл пистолета привычно тяжёлый. Лезвия за спиной слегка давят на позвоночник. Имплант связи стабилен – слабое покалывание за ухом подтверждает соединение.

– Сорок секунд, – говорю я.

– Камеры отключены. Время пошло.

Я не думаю. Я считаю.

Три.

Два.

Один.

Прыжок. Мир на мгновение становится беззвучным. Тело уходит вниз, воздух режет щёки. Капли дождя превращаются в иглы.

Я вхожу в стекло плечом. Гранула гасит звук – стекло не взрывается, а осыпается мягким хрустом. Осколки падают внутрь, как прозрачный дождь. Я приземляюсь на бетонный пол, сгибая колени, амортизируя удар. Пахнет пылью, старым маслом и человеческим потом.

– Нас нашли! Провести зачистку!

Крик резкий, нервный. Нет времени разбираться.

Первый выстрел – в горло. Глухой хлопок. Тело падает, захламляясь кровью.

Второй – в висок. Капля крови попадает мне на щёку. Тёплая. Настоящая.

Третий даже не успевает обернуться. Я двигаюсь быстрее, чем они осознают угрозу.

Слева вспышка выстрела – пуля проходит в сантиметре от плеча, горячий поток воздуха касается кожи. Я ныряю в сторону, перекачиваясь, чувствую, как бетон царапает ладонь через перчатку.

– Двое на лестнице, – спокойно сообщает Акито.

Я уже слышу их шаги. Убираю пистолет. Клинки ложатся в руки почти бесшумно. Металл прохладный, идеально сбалансированный. Первый выбегает с криком. Я сокращаю дистанцию.

Удар снизу-вверх – лезвие входит под рёбра. Я чувствую сопротивление плоти, короткий хруст кости. Его дыхание обрывается у моего плеча.

Второй стреляет почти в упор. Поворот корпусом – пуля задевает рукав, прожигая ткань. Тепло проходит по коже, но не глубоко.

Разворот. Лезвие проходит по шее. Кровь брызжет на бетон, на мои ботинки. Запах становится густым. Металлическим. Живым. Оставшиеся начинают стрелять беспорядочно.

Пули врезаются в стены, бетон крошится, пыль висит в воздухе, забивается в лёгкие. Я чувствую её на языке. Неприятно.

Я не прячусь. Я иду вперёд.

Шаг.

Выстрел.

Шаг.

Разрез.

Один из них падает на колени, пытаюсь зажать рану. Его пальцы скользят по крови.

Я не замедляюсь. Через несколько минут всё стихает. Только дождь стучит по осколкам разбитых окон. И капли крови медленно стекают с лезвий на пол.

– Чисто, – сообщает Акито.

Я стою посреди зала. Сердце бьётся ровно – чёткий, выверенный ритм. Дыхание стабильно. Руки не дрожат. Я фиксирую это автоматически. Контроль состояния – первое, чему учат.

В помещении пахнет гарью, кровью и страхом. Последний – самый стойкий. Он оседает в воздухе, въедается в стены, в ткань формы, в кожу.

Поднимаю взгляд. На дальней стене – знак. Пепельный символ, выжженный прямо по бетону. Линии неровные, местами рваные, будто их наносили в спешке. Но форма... слишком точная. Геометрия выверена. Это не хаос.

Это намерение.

Я делаю шаг ближе. Ботинки тихо скрипят по пыльному полу, где-то позади капает вода – редкий звук в стерильном Сигнуме.

Останавливаюсь в полуметре от стены. Не касаюсь. Провожу пальцами в воздухе, повторяя изгиб линии. Кожу на руках начинает покалывать. Сначала едва ощутимо – как статическое электричество. Потом глубже. Теплее. Имплант реагирует? Или не только он?

– Акито, зафиксируй изображение, – говорю тихо.

Мой голос звучит спокойно. Чуждо происходящему.

– Уже.

Его голографическая панель вспыхивает сбоку. Сканирующие лучи проходят по стене.

– Передай в аналитический отдел.

– Это третий объект с таким знаком за неделю, – отвечает он.

Я знаю. Именно поэтому я пришла лично. Обычно я не выезжаю на такие задачи. Отчёты, анализ, координация – этого достаточно. Но в отчётах нет того, что сейчас чувствует моя кожа.

– Майор... этот знак совпадает с предыдущими на восемьдесят семь процентов.

Я медленно поворачиваю голову в его сторону.

Восемьдесят семь. Недостаточно для официального признания шаблона. Слишком много для совпадения. И впервые за вечер я ощущаю не холод. А напряжение. Которое медленно разрастается, создавая трещины внутри.

Оно поднимается от живота к груди, стягивает рёбра. Потому что это уже не подпольная секта. Не случайная группа фанатиков.

Это система. И она работает не только в нашем мире.

Я снова смотрю на знак. Линии будто пульсируют – едва заметно. Или это отражение аварийного света.

– Провести зачистку. Изъять все улики. Отчёт я предоставлю сама.

Мои слова звучат жёстко. Без вариантов.

Потому что цифры – это отчёты.

А ощущение под кожей – это правда.

Я опускаю руку.

Покалывание не исчезает сразу. Оно медленно гаснет, словно символ неохотно отпускает меня.

Словно запомнил прикосновение, даже если я не касалась.

– Есть следы порտальной активности? – спрашиваю.

Акито замолкает на секунду – сверяется с данными.

– Минимальные. Но частота сигнатуры совпадает с недавним всплеском в секторе нестабильности.

Сектор нестабильности. Разлом. Я чувствую, как в висках слегка усиливается пульс.

Если это связано...

Если символ – не просто метка, а якорь...

В груди возникает знакомое ощущение – как перед боем. Не страх. Предельная концентрация. Сигнум стерилен. Контролируем. Просчитан. Но под гладкой поверхностью всегда есть трещина. И кто-то только что провёл по ней огнём.

Я отворачиваюсь.

– Подготовь транспорт. Я еду в центр управления.

Пауза.

– Прямо сейчас?

– Да.

Если это совпадение – слишком точное. Если закономерность – слишком опасная.

Нижний сектор встречает меня влажным воздухом.

Когда я выхожу из здания, дождь уже усилился. Капли падают на нагретый бетон, поднимая едва уловимый пар. Внизу улицы шумнее – здесь голограммы тусклее, реклама дешевле, лица людей напряжённые.

Сирены вдали воют глухо – кто-то уже сообщил о стрельбе.

Я иду к машине без спешки. Чёрный транспорт ждёт у обочины. Дверь открывается автоматически, когда система распознаёт мою биометрию.

Внутри пахнет кожей и холодным пластиком. Я снимаю перчатки. На запястье остаётся тонкая линия от давления. Провожу пальцем – кожа горячая.

– Аналитический отдел уже получил данные, – сообщает Акито. – Предварительный вывод: символ не из нашей базы.

– Я и так это знаю.

Машина трогается. Нижний сектор медленно отступает назад. Сначала – обшарпанные фасады. Потом – более ровные улицы. Потом – стекло и свет.

Граница между уровнями всегда ощущается физически. Воздух становится чище. Дороги – шире. Люди – тише.

Я смотрю в окно. Под куполом дождь падает одинаково везде, но здесь он отражается в дорогом стекле, превращаясь в эстетический эффект, а не в грязь.

Башня Глобал Корпорейшн появляется впереди, прорезая небо.

Она всегда кажется выше, чем была вчера. Свет по её фасаду поднимается вертикальными линиями, словно здание дышит.

Я чувствую, как внутри меня выравнивается ритм. Здесь всё под контролем. Здесь нет случайностей. Машина въезжает в подземный уровень. Воздух внутри парковочного комплекса пахнет озоном, металлом и чистящими растворами.

Дверь открывается. Я выхожу. Шаги отдаются эхом по идеально ровному полу. Лифт поднимает меня без рывков. Стены зеркальные – я вижу своё отражение со всех сторон.

Светлый блонд собран. Лицо спокойное. Следы боя почти незаметны. Только глаза чуть ярче обычного.

Я поднимаюсь на верхний уровень без сопровождения. Лифты здесь бесшумные, стены – из стекла и стали, охрана отворачивает взгляд. Мне не задают вопросов. На крыше всегда ветер. Даже под куполом. Я подхожу к краю и смотрю вверх.

Купол Сигнум-Сити – не просто защита. Это шрам.

Для меня он всегда был частью неба – прозрачный свод, по которому скользят огни дронов и отражаются голограммы рекламы. Но для тех, кто старше, он – напоминание.

Когда-то не было ни купола, ни разделения на сектора, ни магических фильтров в системе воздуха. Не было раздела уровней. Не было протоколов стабилизации и комендантских часов. Был только эксперимент.

Проект «Сигнум» – попытка создать неисчерпаемый источник энергии через сжатие пространственных волн. Учёные называли это «управляемым проколом измерений». Они верили, что смогут коснуться другой реальности и извлечь из неё чистую силу. Без отходов. Без войн за ресурсы. Без зависимости от старых систем.

Они не собирались открывать дверь. Они собирались сделать прокол – тонкий, контролируемый. Но ткань мира не любит, когда её прокалывают.

До катастрофы

2128–2142 года – Энергетический кризис.

Истощение традиционных источников энергии.

Глобальная нестабильность, истощение ресурсов, умирание почвы.

Начало исследований пространственных волн.

Формирование научного консорциума, который позже стал ядром Глобал Корпорейшн.

В 2143 году небо не взорвалось.

Оно треснуло. Сначала появилась тонкая линия света – как если бы кто-то провёл ножом по ткани небес. Белая, почти изящная царапина на синеве.

Люди подумали, что это удачный эксперимент. Карман энергии. Новый источник. Шаг в будущее.

Они не открыли источник. Они вскрыли шов. Разлом развернулся медленно, как трещина в стекле, только стеклом была сама реальность. Свет не просто сиял – он вытекал. Слишком яркий. Слишком чистый. Слишком живой. А потом пришла буря.

Небо разорвалось окончательно. Энергетическая волна прошла через город, по всей планете, как дыхание божества, которое проснулось не вовремя. Электроника плавилась, металл тек, как воск. Люди исчезали в белом свете – не сгорали, не испарялись. Их словно вычеркивали.

Старики в Нижнем секторе до сих пор рассказывают об этом шёпотом. О том, как выглядела молния, застывшая в воздухе. Как воздух стал густым, как смола. Как крики умирающих смешивались с гулом, идущим из самой земли. Но самое страшное было не разрушение. Самое страшное – то, что сквозь разрыв начали проступать очертания другого мира.

Сначала это были просто тени. Силуэты деревьев, которых не могло быть в городе. Очертания башен из светлого камня. Глаза – десятки глаз, смотревших из разрыва с той стороны.

Второй мир не был мёртвым. Он смотрел в ответ. Позже его мы узнали, что мир зовётся Аэралис.

Мир магии, тайных знаний алхимии, древних династий и крови, в которой течёт сила. Мир, где энергия идёт по жилам земли, как кровь по венам. Где королевства старше нашей истории, а имена правителей записаны не в базах данных, а в камне и звёздах.

Для них наш мир был холодным.

Для нас их мир был опасным.

В первые месяцы после Разлома город начал сходиться с ума. Люди просыпались с чужими голосами в голове. Некоторые начинали видеть линии и чувствовать поле. Другие – горели

изнутри. Климат Аэралиса не подходит обычному человеку. Высокий уровень магии, создаёт искажения.

В тёмных зонах появлялись люди, не поддающиеся сканированию. Их тела не фиксировались тепловизорами. Их шаги не оставляли следов в протоколах. Пространство в отдельных кварталах изгибалось.

Шаг вперёд мог увести на сотни метров в сторону. Или в другой слой реальности.

Город начал умирать. Паника длилась недолго. Порядок всегда приходит быстрее страха. И порядок установила корпорация. Но корпорация уже не была просто корпорацией.

Она стала орденом.

Аурелиан Вейр был одним из тех, кто проектировал стабилизационные контуры. Он не стоял у панели запуска – но он был архитектором печати. Когда всё рухнуло, именно он предложил не уничтожить разлом, а заключить его. Не закрыть рану. Сшить её. А вокруг, возвысилась корпорация.

Купол построили за два года. Гигантская структура из света и металла, вплетённая в ткань пространства. Он не просто фильтрует воздух. Он гасит магические всплески. Он удерживает давление другого мира, которое до сих пор в атмосфере.

Он – якорь. Он – цепь. И он – напоминание, что мир однажды порвался.

За пределами разрыва начинается иное. Там пространство нестабильно. Там разрывы открываются сами. Там магия Аэралиса чувствует себя свободнее. А дальше – пустоши.

Королевство Аэралис, существовавшее всегда. Мы просто были слепы.

Официально – мы сотрудничаем ради стабилизации границы.

Неофициально – потому что иначе оба мира поглотят друг друга.

Глобал Корпорейшн управляет Сигнум-Сити как государством. Контролирует ядро, порталный узел, оборону, печати на швах реальности. Аэралис контролирует магические потоки по ту сторону Разлома.

Два мира держат друг друга за горло – и называют это союзом.

Город разделён на сектора.

Верхний – где живёт элита и те, кто ближе всего к печатям.

Средний – деловой, технический, шумный.

Нижний – промышленный, полузабытый, ближе к трещинам.

Закрытый сектор – зона у самого начала купола, где ткань мира тоньше, чем кожа.

Я родилась после катастрофы. Я никогда не видела небо без фильтра. Никогда не слышала настоящий ветер. Никогда не жила в мире без протоколов. Для меня порядок – не идеология. Это шит.

Люди думают, что купол защищает нас от внешней угрозы. На самом деле он защищает от реальности катастрофы.

Магия Аэралиса и технологии Сигнума несовместимы, но купол живёт благодаря Аэралису. Когда они сталкиваются напрямую – происходит дестабилизация. Пространство начинает течь. Металл трескается. Люди исчезают.

Иногда открываются порталы. Иногда кто-то проходит через них. Иногда возвращается. Если купол падёт, Сигнум не будет уничтожен мгновенно.

Он растворится. Технологии начнут искажаться. Магия – пожирать инфраструктуру. Границы тел станут условными. И Сигнум, затаит Аэралис.

Это будет не война. Это будет слияние. И слияние – всегда больше разрушения.

Катастрофа унесла миллионы жизней.

Официально – авария реактора.

Неофициально – первый неконтролируемый контакт с Аэралисом.

Я касаюсь ладонью холодного металла ограждения.

Где-то по ту сторону разлома – другой мир. Там есть кланы. Есть принц, унаследовавший власть после падения отца. Есть маги, считающие наш мир вторжением. Есть те, кто хочет разрушить печать и позволить мирам слиться. И, возможно, они правы.

Возможно, купол – не спасение, а отсрочка, но я видела хаос.

Он не романтичен. Он пахнет гарью и расплавленным стеклом. Я служу порядку. Не потому что верю корпорации безоговорочно. А потому что знаю цену разрыва.

Я смотрю на световые кольца, усиливающие место первой трещины. Там ткань реальности тоньше. Там шов держится на силе. Если он треснет снова – второго шанса не будет.

Пока купол стоит, я буду той, кто держит его линию. Даже если однажды мне придётся выбрать, на какой стороне разрыва остаться.

Двери открываются. Верхний уровень всегда ощущается иначе. Тишина здесь плотная. Управляемая. Сотрудники склоняют головы, когда я прохожу. Никто не задаёт вопросов.

В коридоре пахнет холодом кондиционеров и дорогими материалами. Ни пыли. Ни крови. Как будто мира снаружи не существует.

Я иду прямо к кабинету генерального директора. Пальцы всё ещё помнят покалывание от символа. И с каждым шагом я понимаю – если это действительно связь с Аэралисом, то сегодня разговор будет не о зачистке. А о границе, которую мы больше не контролируем.

Двери кабинета открываются бесшумно. Он стоит у панорамного окна.

Руфус – ледящее пламя, заключённое в человеческое тело ещё в детстве.

Стальные манеры. Безупречный внешний вид. Взгляд – холодный, острый, способный расцезать на части одним лишь движением глаз.

Белый дьявол в стеклянном аду.

Его волосы, лишённые пигмента до болезненной белизны, идеально пострижены и уложены, подчёркивая чёрную глубину глаз. Белый костюм сидит идеально, будто есть частью его самого – такой же безукоризненный, такой же недостижимый.

В нём всё было выверено до совершенства. Слишком идеально, чтобы быть живым.

За его спиной город отражался в стекле – холодный, чужой, бесконечный.

Но даже он казался лишь блеклым отражением по сравнению с тем, что стояло передо мной.

Он не оборачивается сразу.

– Потери? – спрашивает он.

– Ноль со стороны корпорации.

– Объект?

– Уничтожен.

Пауза.

Он поворачивается. Его взгляд скользит по моему воротнику.

– Ты ранена?

– Нет.

Он подходит ближе. Между нами меньше метра.

Мы редко касаемся друг друга. Особенно на работе.

– Символ? – тихо.

– Повторяется.

Его челюсть слегка напрягается. Почти незаметно.

– Мы не можем позволить им расшатывать город, – говорит он.

Я киваю. Он не говорит: будь осторожна. Он никогда не говорит этого, но язык тела показывает другое. Всегда выдавая его.

– Свободна, майор.

– Есть.

Я разворачиваюсь.

Двери кабинета закрываются за спиной бесшумно, и вместе с ними – всё личное. Если оно вообще здесь существует.

Коридор верхнего уровня встречает меня стерильной тишиной. Потолок – матовый, рассеивающий холодный свет. Пол – тёмный, зеркальный, в нём отражается мой силуэт. Ботинки отзываются мягким глухим эхом. Каждый шаг – отмеренный, ровный.

Запах кондиционированного воздуха здесь почти отсутствует – только лёгкая нота металла и чего-то синтетически свежего. Никакой пыли. Никаких случайностей.

Сотрудники расступаются автоматически, кто-то отводит взгляд, кто-то наоборот, смотрит слишком внимательно.

Майор зачистки не приходит лично без причины.

Я прохожу мимо прозрачной стены аналитического отдела. Внутри – десятки голографических панелей. Проекция символа уже висят в воздухе, увеличенные, разложенные на сегменты. Линии пересекаются, вспыхивают схемами вероятностей.

Акито выходит из бокового коридора и синхронно пристраивается справа.

– Предварительный отчёт готов к загрузке в архив, – говорит он негромко. – Баллистика подтверждена. Девять ликвидированных – в розыске. Трое – без идентификации.

– Знак?

– Аналитики спорят. Одни считают это вариацией порталной маркировки. Другие – сигнальным кодом.

Я останавливаюсь. Голограмма символа медленно вращается в воздухе. Его пепельные линии выглядят почти живыми.

– Отправь полный пакет в Директорат. И лично – отцу Руфуса.

Акито на секунду замирает.

– Понял.

Официально он – основатель. Неофициально – человек, который видит дальше, чем позволяет город.

– Добавь моё заключение, – продолжаю я. – Это не локальная активность. Это подготовка.

– Формулировка жёсткая.

– И реальная.

Акито кивает.

Мы подходим к терминалу отчётности. Я прикладываю ладонь к сенсорной панели. Кожа холодеет – система считывает биометрию.

В поле зрения вспыхивают строки:

Операция: *Нижний сектор, промышленный блок 47–А*

Статус: *зачистка завершена*

Обнаружено: *аномальный символ, возможная связь с нестабильностью Разлома*

Риск: *повышенный*

Я проговариваю финальную часть вслух – запись идёт автоматически.

– Вероятность дальнейшей активности – высокая. Рекомендую усиление наблюдения в секторах три и пять. Дополнительные патрули вблизи энергетических узлов.

Система фиксирует голос. Подтверждение. Архивация. Отчёт уходит в закрытый контур.

Я убираю руку. Лёгкое онемение в пальцах – всегда после сканирования. Ненадолго.

– Тебя проводить? – спрашивает Акито.

– Нет.

Он понимает. Иногда тишина – это тоже приказ.

– Связь открыта, если понадобится, – говорит он.

Я киваю и иду к лифтам. Лифт спускается медленно, почти невесомо.

На рукаве – едва заметный прожог от пули. Губы бледные. Глаза серые, с тем самым мерцанием, которое иногда становится сильнее.

Я касаюсь пальцами правого виска. Имплант под кожей тёплый. Город за пределами башни всегда кажется другим после её высоты.

Двери открываются.

Подземный уровень встречает меня привычным запахом – машинное масло, холодный металл, озон от зарядных станций. Воздух плотный, тяжёлый, будто оседает на коже тонкой плёнкой.

Транспорт уже ждёт. Система распознаёт меня мгновенно. Короткий скан по сетчатке. Едва слышный щелчок. Дверь открывается плавно, бесшумно – как всё в этом секторе. Без лишних эмоций. Без лишних вопросов.

Я сажусь внутрь. Сиденье принимает форму тела, мягко подстраивается под позвоночник. Тепло обивки почти неприятно – слишком заботливо.

Когда машина выезжает наружу, ночь обрушивается огнями.

Голограммы вспыхивают над дорогой. Неон режет взгляд холодными цветами. Дождь стекает по куполу сектора – искусственный, управляемый, равномерный. Он не очищает. Он просто создаёт эффект.

Башня Глобал Корпорэйшн остаётся позади – тонкая игла, проткнувшая небо. Она всегда кажется выше остальных. Всегда – ближе к центру управления, чем к земле. Я смотрю на неё через стекло, и внутри что-то невольно сжимается. Не страх. Привычка.

Высокий сектор тихий. Здесь не слышно криков. Нет сирен. Нет хаоса.

Город звучит приглушённо – словно существует за толстым слоем бронированного стекла. Безопасность, купленная контролем и правилами.

Я откидываюсь на спинку сиденья. В плечах появляется тяжесть. Не усталость. Накопленное напряжение, которое тело всё ещё не отпустило. Мышцы будто помнят каждое движение – поворот корпуса, усилие, сопротивление плоти под лезвием.

Память не в голове. В руках. Пальцы невольно сжимаются. Суставы тихо хрустят. На подушечках – фантомное ощущение. Скользящая кожа. Рывок. Удар. Символ. Покалывание под кожей усиливается. Там, где имплант. Там, где сигнал фиксирует активность.

Третий объект за неделю. Слишком быстро. Слишком систематично.

Я прикрываю глаза на секунду. Машина плавно поворачивает, и движение отдаётся в теле лёгкой инерцией. Грудная клетка поднимается глубже обычного. Сердце ещё не вернулось к ровному ритму. Контроль. Всегда контроль.

Машина останавливается у жилого комплекса. Стеклянная высотка отражает дождь и огни так, будто сама состоит из света и холода. Ни единого тёмного окна. Ни единого изъяна.

Я выхожу.

Дождь под куполом едва касается кожи – тёплый, искусственный. Он не проникает. Только скользит по волосам, по воротнику, по пальцам.

В отражении стекла я вижу себя – прямую, собранную, без следов произошедшего. И только внутри всё ещё живёт лёгкая вибрация. Не от импланта. От того, что начинает происходить быстрее, чем город готов признать.

Глава 2

В апартаментах тихо. Высокий сектор всегда тихий. Тишина здесь не пустая – контролируемая. Не слышно улицы. Не слышно людей. Даже вентиляция работает почти беззвучно – только едва ощутимая вибрация в стенах, если прислониться лбом к стеклу.

Я закрываю дверь. Замок щёлкает глухо. На секунду остаюсь в темноте.

Адреналин медленно выгорает в крови, оставляя после себя тяжесть – густую, вязкую. Плечи ноют от резких разворотов. Лопатки будто стянуты тугой нитью. На запястьях – тонкие красные полосы от фиксаторов перчаток. Я провожу по ним пальцем – кожа горячая, чувствительная. Дышать становится труднее, когда тело перестаёт быть машиной.

Снимаю кобуру. Ремни с тихим щелчком ослабляют давление на рёбра. Воздух глубже проходит в лёгкие. Почти непривычно – без сопротивления. Без брони. Аккуратно кладу клинки на стол. Металл отражает холодный свет потолочных панелей. На лезвии ещё тонкая тёмная линия. Я провожу пальцем по кромке – осторожно, привычно. Сталь холодная. Реальная. Предсказуемая.

В отличие от меня.

Ткань салфетки скользит по лезвию. Клинки всегда чище, чем мир.

Поднимаю взгляд. В зеркале – мои глаза. Сегодня они светятся едва заметно. Не ярко – глубоко. Будто под радужкой тлеет искра, готовая разгореться. Я наклоняюсь ближе. Касаюсь кожи под нижним веком. Пульс отдаётся в пальцы. Кожа тёплая.

Когда я была ребёнком, они были обычными. После взрыва в секторе – изменились. Не сразу.

Сначала – жар.

Потом – тьма.

Потом – свет.

Я распускаю волосы. Заколка падает на стол с тихим, почти окончательным звуком. Белый блонд тяжело скользит по плечам, ниже лопаток, почти до поясницы. Пряди касаются кожи – мягко, почти настойчиво, щекочут шею, словно напоминая о каждом нерве, о каждом вдохе.

Я редко позволяю себе такую слабость. С распущенными волосами я становлюсь другой. Менее защищённой. Более настоящей. И, возможно... куда более опасной.

На заданиях это слабость. Лишнее движение. Лишний риск.

Тело ноет, чувствуя остаточное покалывание в руке, и я на автомате направляюсь в душ. Вода течёт размеренно – слишком правильно, слишком контролируемо для того, что происходит внутри.

Но я уже не здесь.

Я проваливаюсь глубже. В мысли. В те этажи сознания, куда доступ запрещён даже мне самой. Имплант глухо откликается – скачок эмоционального фона. Система фиксирует. Предупреждает.

Я резко нажимаю на индикатор. Вода становится ледяной. Настолько, что должна была бы заморозить всё — мысли, память, реакцию.

Я продолжаю стоять. Вспоминать. Его. Иногда человек, ради которого ты готов отдать жизнь... становится твоим самым точным кошмаром. И болезнью.

Тяжёлой. Хронической. Без права на излечение.

Это состояние, где между вами больше нет ни холода, ни тепла. Пустота, которую не может заполнить даже система. Даже контроль. Даже отключение чувств.

Я научилась одному – прятать всё глубоко.

За стены. За слоями протоколов. За идеальным равновесием.

Но ни одна стена не выдерживает хаос, если он начинается изнутри.

На мокрое тело я набрасываю хлопковый комплект с биркой «Глобал». Ткань касается кожи – сухо, почти тошнотворно, как напоминание о порядке, который должен быть всегда. Но тело реагирует иначе. Резко. Инстинктивно.

Будто в комнате кто-то есть.

Я замираю. Если это не паранойя... тогда что? Взгляд скользит по углам, цепляется за тени, за отражения в стекле.

Я вслушиваюсь.

Тишина. Та же самая. Правильная. И от этого – ещё более невыносимая. Я подхожу к прикроватной тумбе. Движения точные, отработанные. Пальцы находят стабилизатор. Игла входит в плечо. Без колебаний. Без боли. Слишком привычно.

Секунда.

Две.

Но облегчение не приходит сразу. С каждым разом – медленнее. Слабее. Слово даже химия больше не справляется с тем, что происходит внутри, особенно с приближением даты.

Я закрываю глаза.

И впервые за долгое время понимаю – система даёт сбой.

Не снаружи. Во мне.

Пальцы путаются в мокрых волосах. Я провожу ими медленно, будто проверяю, что всё ещё здесь.

Иногда я думаю...

Если бы тогда я опоздала на минуту меньше.

Если бы не задержалась в секторе.

Если бы не приняла дополнительный приказ.

Если бы побежала быстрее.

В груди сжимается. В памяти – вспышка. Белая. Оглушающая. Тело, отбрасываемое ударной волной. Запах горелого металла и плоти. Чужая кровь на моих ладонях.

Я закрываю глаза.

Пять лет назад я решила больше ничего не чувствовать. И сегодня, стоя в этой стерильной тишине, я понимаю – решение дало трещину.

Потому что я помню его взгляд. Тёмный. Спокойный. Настойчивый. Не как у тех, кто смотрит на меня как на оружие. Не как у тех, кто оценивает ресурс. А как у человека, который *видит*. Его запах тумана и дождя. И от этого воспоминания по позвоночнику проходит дрожь – не от страха. От жизни, которую я тщательно пытаюсь в себе уничтожить.

Я подхожу к стеклу. Прижимаюсь лбом к холодной поверхности. Вибрация стен отзывается в висках. Ровная. Механическая.

Снаружи – порядок.

Внутри – буря.

Я медленно выдыхаю.

– Контроль, – шепчу себе. Но пальцы и губы всё ещё помнят тепло его близости.

И тело больше не хочет быть только сталью.

Смок бы выжил. И Ральф. В моих воспоминаниях всё горит. Взрыв. Крик. Пепел. Руфус держит меня за плечи и говорит, что возвращаться бессмысленно.

Я ему верю. Мы оба потеряли их в тот день. С тех пор мы не говорим об этом. А я каждую дату поднимаюсь на крышу. И смотрю на купол. Сигнум-Сити стоит, потому что порядок важнее чувств. Память всегда пахнет одинаково – гарью и горячим металлом.

Комм-устройство вспыхивает на столе мягким синим светом.

Сообщение. Имя высвечивается сразу. Клауд.

Я смотрю на экран несколько секунд, не касаясь его. Потом провожу пальцем.

Клауд: *Ты вернулась?*

Я не отвечаю сразу. Он всегда чувствует, когда я в городе.

Я: *Да.*

Пауза. Индикатор печати мигает почти мгновенно.

Клауд: *Ты ранена?*

Я: *Нет.*

Клауд: *Ты врешь лучше, когда говоришь дольше.*

Я невольно усмехаюсь. Он знает.

Я: *Небольшие царапины. Ничего критичного.*

Клауд: *Я видел отчёт о секторе. Это была зачистка, Силина.*

Он не использует мой ранг. Никогда.

Я: *Это была операция.*

Клауд: *Ты больше не отличаешь эти слова.*

Тишина.

Я сажусь на край кровати. Матрас мягко прогибается под весом. В комнате пахнет чистым бельём и холодным воздухом.

Клауд: *Ты дома?*

Я: *Да.*

Ответ приходит почти сразу.

Клауд: *Можно приехать?*

Я прикрываю глаза. В воздухе появляется запах металла. Слишком аккуратно. До тошноты правильно.

Я: *Поздно.*

Пауза.

Клауд: *Я на машине. Десять минут.*

Я представляю, как он едет по ночному проспекту. Тишина, окна опущены, ветер настоящий – не фильтрованный.

Я: *Не сегодня.*

Три точки печати мигают долго.

Клауд: *Ладно. Тогда просто поговорим.*

Я откидываюсь назад, упираясь локтями в матрас.

Я: *О чём?*

Клауд: *Не знаю. О погоде.*

Я смотрю на окно.

Я: *Под куполом всегда одна и та же.*

Клауд: *В Нижнем сегодня пахло дождём. Настоящим. Не очищенным.*

Я чувствую, как в груди что-то сжимается. Пахнет дождём.

Я: *Ты всё ещё отличаешь?*

Клауд: *Конечно. Настоящий тяжелее. В нём есть пыль и что-то живое.*

Я провожу пальцем по стеклу. Пауза.

Клауд: *Я видел сегодня старика на рынке. Он продавал бумажные книги и виниловые пластинки. Настоящие. Представляешь?*

Я: *Это незаконно.*

Клауд: *Я знаю.*

Я: *Ты купил?*

Клауд: *Конечно.*

Я качаю головой.

Я: *Ты исправишь.*

Клауд: *А ты предсказуема.*

Тишина повисает между сообщениями.

Клауд: *Силина...*

Печатает. Стирает. Печатает снова.

Клауд: *Если я приеду завтра, ты не закроешь дверь?*

Я медленно выдыхаю.

Я: *Завтра у меня работа.*

Клауд: *У тебя всегда работа.*

Я: *Да.*

Долгая пауза.

Клауд: *Ладно. Тогда я просто буду писать о погоде.*

Я: *Пиши.*

Клауд: *Сейчас над городом редкая имитация облаков. И ветер сильнее, чем должен быть под куполом.*

Я поднимаю взгляд к окну.

Я: *Я вижу.*

Клауд: *Силина... что было бы, если бы мы встретились при других обстоятельствах? Неугомонный, он слишком полагается на бесполезные надежды.*

Я: *«Если бы» – самая бесполезная игра. Система не работает с гипотезами. Только с последствиями.*

Клауд: *Иногда последствия рождаются именно из «если бы».*

Я: *Иногда «если бы» – это просто способ не смотреть на то, что уже случилось.*

Клауд: *А если я скажу, что в другой версии нас ты бы не была такой... холодной?*

Я: *В другой версии нас я, возможно, была бы мертва.*

Клауд: *Или жива. И смотрела бы на меня иначе.*

Я: *Ты переоцениваешь варианты. Этот мир не даёт «иначе». Только разные формы выживания.*

Клауд: *А ты? Ты всегда выбираешь выживание?*

Я: *Всегда.*

Задержка.

Клауд: *Береги себя.*

Я: *Ты тоже.*

Я отказалась. Но почему-то кажется, что между нами сейчас больше напряжения, чем если бы он приехал. И где-то глубоко внутри я понимаю – однажды он перестанет писать о погоде. И тогда станет по-настоящему тихо.

Пауза. Долгая. Я вижу, как в отражении стекла за моей спиной светится купол. Я думаю о Смоке и о Ральфе. Я думаю о Руфусе. О Башне. О порядке.

Экран гаснет. В комнате снова тихо. Слишком тихо. Я кладу устройство на стол. И смотрю на купол – аномалия в идеально просчитанной матрице.

Сбой, который назвали спасением. Сигнум-Сити стоит. Дышит через фильтры и протоколы. Потому что порядок здесь важнее чувств. Потому что хаос однажды уже забрал у меня всё.

Я помню это слишком хорошо. Может, Аурелион прав. В нашем мире чувства – это болезнь. Заразительная. Неконтролируемая. Та, что ломает алгоритмы. Сбивает прицел. Заставляет ошибаться. И, возможно, именно поэтому мозг отказывается пометить это как угрозу с красной маркировкой.

Потому что тогда придётся признать... что самая опасная аномалия – не за пределами купола.

А внутри...

Комм-устройство вибрирует. Сообщение от аналитического отдела.

Подпись: *Происхождение – магический мир Аэралис.*

Я закрываю глаза. Разлом снова шевелится. И если он откроется шире – крови будет больше. Я беру клинки и убираю их в шкаф. Завтра будет новый приказ.

Глава 3

Я просыпаюсь не от сигнала.

От тишины.

Верхний сектор пахнет стерильностью – очищенный воздух без пыли, без сырости, без жизни. Вентиляция работает ровно, и этот едва уловимый металлический привкус в горле напоминает, что даже дыхание здесь отфильтровано.

Я провожу ладонью по шее – мышцы напряжены, будто я спала в броне. На самом деле я раздеваюсь полностью, но тело привыкло к весу кобуры на бёдрах, к натяжению ремней под рёбрами. Когда их нет – кажется, будто чего-то не хватает. Свет искусственного рассвета медленно растекается по стеклу.

Под куполом не бывает настоящего утра. Только имитация.

Я подхожу к окну босиком. Пол тёплый – система климат-контроля реагирует на биосигнатуру. Город внизу ещё притушен, но башня Глобал уже сияет холодным белым светом.

Башня всегда бодрствует раньше людей. Вибрация импланта проходит по кости запястья.

– Майор, зафиксирован всплеск, – голос Акито спокойный, но я слышу фон – слабое шипение каналов, перегруженных данными.

Я закрываю глаза, сосредотачиваясь на ощущениях в теле. Перед всплесками воздух меняется. Становится плотнее. Как перед грозой.

– Где? – спрашиваю.

– Сектор нестабильности. Южная дуга. Искажение усиливается.

Я одеваюсь быстро.

Ткань формы ложится на кожу прохладой – плотная, усиленная волокнами, которые реагируют на перегрев и удар. Она сначала холодит, потом подстраивается под температуру тела, словно принимает меня.

Куртка тяжёлая, но привычная. Давление на плечи – почти успокаивающее.

Клипки фиксируются у позвоночника – магнитные замки тихо щёлкают. Их вес всегда выравнивает меня. Напоминает, кто я.

Я затягиваю перчатки, ощущая, как материал обтягивает пальцы, усиливая чувствительность. Мир становится чётче, когда я в форме. Лишнее исчезает.

Когда я выхожу из апартаментов, коридор пахнет озоном и полированным стеклом.

Система очистки воздуха работает безупречно. Ни пылинки. Ни случайного запаха еды, ни человеческой усталости. Только стерильная свежесть и лёгкий холод, который касается открытых участков кожи.

Освещение встроено в стены – мягкое, рассеянное. Оно не слепит, но подчёркивает линии пространства. Всё здесь прямое, геометрически выверенное. Ни одного лишнего угла. Только Башня Глобал, острым шпилем уходит вверх.

Люди двигаются тихо. Без резких движений. Сдержанно. Как будто даже шаги подчиняются регламенту.

Кто-то идёт к лифту, неся планшет с голографическим интерфейсом. Кто-то тихо переговаривается в импланте. Разговоры короткие, по существу. Ни смеха. Ни громких эмоций. Здесь не принято занимать пространство звуком.

Женщина в деловом костюме слегка кивает мне, не замедляя шага. Мужчина у панорамного окна делает шаг в сторону, освобождая проход. Их взгляды скользят по форме, по нашивке майора, и быстро становятся нейтральными.

Уважение. И немного страха.

Я чувствую это почти физически – как лёгкое изменение давления воздуха вокруг.

Высокий сектор всегда живёт на грани контроля. Люди здесь не кричат. Не спорят на повышенных тонах. Они подписывают решения, которые меняют судьбы секторов, и делают это с ровным пульсом.

Лифт открывается беззвучно.

Я вхожу внутрь. Стены отражают силуэт – строгая линия плеч, светлые волосы, убранные назад, серые глаза, в которых свет коридора задерживается дольше, чем должен.

Двери закрываются.

Когда кабина начинает движение вниз, в животе появляется короткое ощущение пустоты – почти приятное. Единственное напоминание о высоте.

За прозрачной панелью раскрывается город.

Сигнум-Сити под куполом похож на схему – уровни, магистрали, световые линии транспорта. Всё подчинено структуре. Всё работает.

Иногда мне кажется, что если прислушаться, можно услышать, как город дышит.

Ровно. Синхронно. Под контролем.

Я поправляю воротник куртки. Порядок держится не на куполе. Он держится на людях, которые не позволяют себе колебаться. И я – одна из них.

Акито уже ждёт у выхода. Как всегда, вовремя. Его не нужно звать, не нужно объяснять. Он читает мои паузы лучше, чем большинство – слова. Дождь стекает по чёрному корпусу машины тонкими линиями. Купол отражает огни города, превращая небо в мутное зеркало. Я сажусь на пассажирское сиденье. Дверь мягко закрывается, изолируя нас от внешнего шума.

– Я постараюсь быстрее, – говорит он с лёгкой усмешкой, выводя машину на магистраль.
– Вряд ли нам выпишут штраф.

– Главное, не сбей никого. Бумажной работы хватает.

Он тихо фыркает.

– Ты не в настроении?

Он смотрит на дорогу, но периодически поворачивается в мою сторону. В отражении лобового стекла я вижу его внимательные глаза. Чёрный волос идеально подстрижен, раскосые глаза скрывают очки.

Я смотрю вперёд.

Город размывается в световых полосах. Дождь по стеклу – ритмичный, почти убаюкивающий.

– Плохо сплю.

Он молчит пару секунд.

– С того самого дня ты словно вычеркнула сон из своей жизни, – говорит он осторожно.
– А с приближением даты... ты на себя не похожа.

Я чувствую, как мышцы в плечах напрягаются.

– Смотри на дорогу.

– Смотрю.

Машина плавно ускоряется. Магистраль почти пуста – Высокий сектор в это время уже выдыхает, переходит в режим приглушённой активности.

– Пять лет, – тихо добавляет он. – Люди обычно начинают отпускать.

– Я не люди.

– Именно.

Я поворачиваю к нему голову. В салоне пахнет озоном от системы очистки и его лёгким цитрусовым парфюмом.

– Ты считаешь, я застряла?

– Я считаю, – он чуть крепче сжимает руль, – что ты тогда похоронила больше, чем одного человека.

Моё отражение в стекле кажется бледнее.

– Акито.

– Я не лезу, – быстро добавляет он. – Просто... когда приближается эта дата, ты становишься резче. Жёстче. Как будто снова ждёшь взрыва.

Я отворачиваюсь к окну. За стеклом – Нижний сектор. Там огни грубее. Реклама ярче. Люди плотнее друг к другу.

– Взрывы случаются, когда кто-то теряет контроль, – говорю я.

– Или когда кто-то слишком долго держит всё внутри.

Я не отвечаю. Машина проходит поворот быстрее допустимого. Система предупреждает мягким сигналом, но Акито игнорирует его.

– Ты ведь знаешь, – говорит он чуть тише, – если бы он был жив...

Я резко поворачиваю к нему голову.

– Он не жив.

В голосе – металл. Акито кивает. Без спора.

– Понял.

Тишина растягивается. Снаружи дождь усиливается. Капли стучат по крыше машины, будто кто-то считает секунды.

– Завтра брифинг по Аэралису, – говорит он, наконец. – Ты готова?

Я смотрю вперёд. Вдалеке, за линией высоток, едва заметно мерцает зона нестабильности – там, где пространство тоньше.

– Я всегда готова.

Он усмехается.

– Это неправда.

– Это достаточно близко к правде, чтобы работать.

Мы едем дальше. Город под куполом кажется спокойным. Но внутри меня что-то уже двигается. Как трещина под гладкой поверхностью стекла. И друг это чувствует. Поэтому он рядом.

Есть свои привилегии в звании и наследии, я быстро преодолеваю допускной досмотр и направляюсь прямо к Руфусу.

– Ты чувствуешь это? – спрашиваю я вместо приветствия.

Он не удивляется.

– Давление.

Я киваю. Он тоже это ощущает. Не все могут. В груди появляется знакомое напряжение – не страх, а предвкушение удара.

– Совет требует изоляции, – говорит он. – Отец считает, что это начало расширения.

Слово отец он произносит без эмоций. Но я знаю, как сильно в нём всё сжимается.

Я подхожу ближе. Между нами остаётся меньше метра. Его запах – тонкий, древесный, смешанный с холодом кондиционера и табаком. Я знаю этот запах слишком хорошо.

– Если мы снова надавим, – говорю тихо, – ткань пойдёт волной.

– Ты уверена?

– Я чувствую.

Он смотрит на меня дольше обычного.

– Это не аргумент для Совета.

– Тогда я дам им цифры.

Зал заседаний пахнет старым металлом и электроникой.

Не свежей – вылизанной до блеска, как в новых зонах, – а той, что работает десятилетиями. Нагретые платы. Скрытые кабели в стенах. Системы, которые помнят первый день после Разлома.

Там почти нет окон. Толстые панели из композитного сплава изолируют помещение от внешнего шума и... от внешнего давления. По крайней мере, так утверждают инженеры.

Свет сверху бьёт ровно и жёстко. Он не оставляет теней. Здесь не место для полутонов.

В центре – Основатель. Его седые волосы почти белые, но не мягкие, как у Руфуса. Жёсткие. Стальные. Взгляд – как скальпель. Сухой. Точный. Он не повышает голос. Ему не нужно.

Вокруг – Совет. Лица спокойные. Руки сложены на столе. Голографические панели зависли в воздухе, выжидая.

Когда я вывожу данные на экран, мои пальцы не дрожат. Символ вращается в проекции. Диаграммы пульсируют. Линии нестабильности медленно расширяются от эпицентра. Но внутри – ощущение тонкой вибрации. Будто что-то настроено на ту же частоту.

– Контакт необходим, – заявляет Основатель.

Голос низкий. Без колебаний.

– Контролируемый? – уточняет один из членов Совета.

– Инициированный ими, – отвечает он. – Не нами.

Я не отвожу взгляда от диаграммы.

– Силина, в чём твои сомнения? – его глаза фиксируются на мне.

– Сомнений нет, – говорю ровно. – Но Руфус неоднократно бывал там. В чём важность моего присутствия?

В зале на секунду становится тише, кто-то слегка меняет позу, кто-то касается интерфейса.

Основатель сцепляет пальцы.

– У Руфуса есть свои обязанности. Ты хорошо владеешь знанием языка.

Пауза.

– А им, как и нам, не нравится происходящее. Всё больше жителей Аэралиса перебирается к нам. Незаконно. Через нестабильные точки. Мы фиксируем рост магического фона в Нижнем секторе.

На экране вспыхивают новые графики. Рост кривой – не резкий. Но устойчивый.

– Нам не нужны открытые конфликты, – продолжает он. – Ни паника. Ни военное положение. Ни дипломатический разрыв.

Он делает лёгкое движение рукой – и символ увеличивается. Линии становятся чётче.

– Этот знак – не просто маркер. Это координация.

Я чувствую, как в груди вибрация усиливается.

– Вы предполагаете внутреннюю фракцию? – спрашиваю я.

– Мы предполагаем, что кто-то по ту сторону готовит перемещение. Массовое.

Слово массовое повисает в воздухе тяжёлым грузом.

– Аэралис нестабилен, – добавляет один из членов Совета. – Их потоки нарушены. Мы получаем косвенные сигналы о политическом напряжении.

Основатель смотрит прямо на меня.

– Вы, майор Силина, отправитесь туда.

Не просьба. Не предложение. Решение. В груди – короткий холод.

– В каком статусе? – спрашиваю я.

– Представитель Глобал Корпорейшн. С правом оперативной оценки. Без официального объявления.

Тихая миссия.

– Почему я?

Он наклоняется чуть вперёд.

– Потому что вы чувствуете давление.

Несколько взглядов поворачиваются ко мне.

– Потому что ваши показатели устойчивости к магическому фону выше нормы. И потому что вам доверяют обе стороны.

Обе стороны. Я понимаю, что это означает.

– Если контакт выйдет из-под контроля?

– Тогда вы закроете его, – отвечает Основатель спокойно. – Любым способом.

Воздух в зале становится плотнее.

– Нам нужно сохранить баланс, майор. Если Аэралис начнёт сбрасывать напряжение через наш город. Разлом расширится.

Он делает паузу.

– А второго 2143-го года мы не переживём.

Я смотрю на символ. На кривые линии роста. На точку, где линии начинают расходиться быстрее, чем должны. Внутри – не страх. Осознание.

– Когда выдвигаться? – спрашиваю.

– Подготовка займёт сорок восемь часов, – отвечает Основатель. – Портальный узел будет открыт под видом технической калибровки.

Он задерживает взгляд на мне ещё секунду.

– Это не военная операция, Силина. Это предотвращение войны.

Я киваю.

– Поняла.

Когда я выхожу из зала, свет коридора кажется мягче. Но вибрация под кожей не исчезает. Аэралис. Мир, который я знаю только по отчётам. Мир, в котором Руфус бывал чаще, чем говорил. Мир, в который... когда-то мечтал сбежать Смок. И теперь мне придётся шагнуть туда самой.

Кабинет Руфуса без посторонних лиц всегда ощущается иначе.

Свет приглушён. Панорамное стекло затемнено – город за ним превращён в рассыпанную по чёрному фону россыпь огней. Кондиционер гудит тише. Воздух больше не официальный.

Я стою у стола, он – у мини-бара в нише стены.

– Твой отец бывает, невыносим, – говорю я, наблюдая, как он достаёт бутылку.

Руфус усмехается едва заметно.

Почти незаметно – если не знать, куда смотреть.

– Он и твой отец, Силина.

Я перевожу на него взгляд. Медленно. Без эмоций.

– Да, я помню. Приёмная дочь Основателя. Формально. Юридически. Стратегически.

Слова ложатся ровно, как строки в отчёте. Основатель Вейр удочерил меня в шесть. Он никогда не называл нас детьми. Ни дочерью. Ни сыном. Только по именам. Как обозначения в системе.

Мы получили всё. Идеальное образование. Безупречную подготовку. В четырнадцать я уже стреляла без промаха и ломала кости без колебаний.

Руфус был старше – и внутри умирал быстрее. В семнадцать он закрылся окончательно. Выстроил вокруг себя стены – холодные, гладкие, как стекло башни Глобал. Непрístupные. Стерильные. Сейчас ему тридцать. И в нём осталась только корпорация. «Вейр звучит как проклятие», – его любимая самоирония, будто он давно смирился с тем, чем стал.

Я отвожу взгляд и смотрю на него, перебирая воспоминания.

По факту у нас было всё. И в то же время – ничего. Потому что наша жизнь была распланирована заранее. И от нас требовалось только одно – выжить.

Он наливает виски в два тяжёлых стакана. Янтарная жидкость ловит свет и на секунду кажется тёплой – почти живой.

– Радуйся, – говорит он спокойно. – К тебе претензий и требований меньше.

– Серьёзно? – я поднимаю бровь. – Меня только что отправили в другой мир.

Он протягивает мне стакан.

– Это доверие.

– Это нагрузка.

Он не спорит.

– Ты знаешь зачем? – спрашиваю я, опускаясь в кресло. Кожа холодная, плотная. Я медленно запускаю пальцы в волосы, распуская и снимая напряжение в шее. – Что хочет правитель Аэралиса?

Руфус берёт сигару, поджигает. Запах табака быстро наполняет пространство – терпкий, густой, тёплый. Он резко контрастирует со стерильным воздухом башни.

– Им требуется помощь, – говорит он, выпуская дым тонкой линией. – Так называемая медвежья услуга.

Я делаю глоток. Виски обжигает язык, спускается по горлу горячей волной.

– Конкретнее.

– Им нужен наш лучший боец.

Я смотрю на него поверх стакана.

– И по-твоему это я?

Он задерживает взгляд.

– По его и моему мнению – да.

Я медленно опускаюсь глубже в кресло. Пальцы всё ещё в волосах. Локти на подлокотниках.

– Они узнают обо мне слишком много.

– Они наблюдают, – спокойно отвечает он. – Как и мы.

Внутри возникает короткое раздражение. Не на него. На ситуацию.

– Почему сейчас?

– Потому что у них растёт внутреннее напряжение. Переселения – не стихийные. Кто-то направляет поток к нам.

Я прищуриваюсь.

– Ты думаешь, это их правитель?

– Я думаю, он теряет контроль.

Повисает тишина.

Я делаю ещё один глоток. Тепло распространяется по груди. Сигарный дым медленно растворяется в воздухе, смешиваясь с древесной нотой его парфюма.

– Я хотел поговорить с тобой, – говорит он неожиданно мягче.

– О чём?

Он не смотрит на меня сразу. Задерживает взгляд на огнях города.

– Клауд ведёт себя странно. Не знаешь, с чем это связано?

Я поднимаю взгляд. Серебристые блики в стекле отражают нас обоих.

– Нет.

Слишком быстро. Он замечает.

– Странные у вас отношения.

Я усмехаюсь и делаю глоток, откидываясь назад.

– Нормальными их точно не назовёшь.

– Он нарушает протоколы, – продолжает Руфус. – Пропадает из сетей. Проверяет закрытые архивы. Особенно те, что касаются 2166-го года.

В груди что-то слегка сжимается. Я держу лицо ровным.

– И ты решил, что это из-за взрыва?

– Я решил, что это может быть связано с тобой. Он тушит пепел в стеклянной чаше. – Ты всё ещё думаешь о взрыве.

Не вопрос. Я молчу.

– Силина, если есть что-то, что может повлиять на миссию...

– Нет, – перебиваю я спокойно. – Личное не мешает работе.

Он смотрит на меня долго. Сверх меры пристально и долго.

– Иногда именно личное рушит системы и порядок, – говорит он.

Я ставлю стакан на стол. Стекло касается поверхности чуть громче, чем нужно.

– Ты боишься за Глобал или за меня?

Он слегка улыбается. Усталой, почти настоящей улыбкой.

– Я не люблю неопределённость.

– Тогда ты выбрал не тот мир.

Тишина снова заполняет кабинет. Он затянул с молчанием, прежде чем сказать это.

Сигара почти догорела. Виски в его стакане опустился на пару пальцев. За стеклом город пульсирует ровным, искусственным светом.

– Силина, – произносит он тише обычного. – Я хочу, чтобы ты знала... я всегда с тобой.

И люблю тебя как родную сестру.

Слова звучат ровно. Без пафоса. Без излишней нежности. И именно поэтому – давят сильнее.

В груди что-то сжимается. Не боль. Не радость. Тяжесть. Я отвожу взгляд к окну. За стеклом – спокойный город под куполом. Идеально выверенный. Контролируемый. В отличие от меня.

– А если бы я не была твоей сестрой?

Фраза вырывается прежде, чем я успеваю её перехватить. Слишком быстро. Слишком честно.

Тишина. Я чувствую, как напрягаются мышцы шеи. Как сердце делает лишний удар.

Он слегка наклоняет голову, изучая меня так, как делает это на совещаниях – когда ищет скрытый смысл.

– Силина... – пауза. – Я бы при всём своём желании не смог дать тебе то, что не в силах.

Воздух застревает в горле.

– Руфус! Я не об этом!

Он замирает на секунду. А потом вдруг смеётся. Негромко. Искренне. Так редко, что это почти режет слух.

Он отпивает из стакана, скрывая улыбку.

– А о чём тогда?

Я качаю головой. Чувствую, как щеки слегка теплеют – раздражение вперемешку с неловкостью.

Чёрт.

– Иногда ты невозможен.

– Это семейное, – спокойно отвечает он. – Мы оба знаем, от кого.

В его голосе появляется твёрдость. Он становится серьёзнее – так, как становится перед трудным разговором. И я уже знаю, что дальше будет удар.

– Смок был моим другом.

Имя повисает в воздухе.

Всё внутри замирает.

Я не двигаюсь. Даже дыхание становится поверхностным. Тело помнит это имя иначе, чем разум. Слишком глубоко. До боли интимно.

– Я знаю, – продолжает он. – Мы не обсуждали это. Никогда. Но я думаю... Клауд тебе не пара.

Медленно перевожу взгляд обратно на него. В глазах – не обвинение. Не контроль.

Тревога.

– Ты сейчас как брат говоришь или как генеральный директор?

Он выдерживает паузу.

– Как человек, который видел, как ты перестала спать после 2166-го года.

Слова бьют точно. Грудная клетка сжимается, будто кто-то на секунду перехватил дыхание. Пальцы невольно впиваются в подлокотник. Холод кожи помогает не рассыпаться. Год, когда всё внутри умерло.

Я отворачиваюсь к окну. Город под куполом спокоен. Идеален. Стерилен.

– Мне всё равно, с кем ты спишь, – добавляет он. – Это не моя территория. Но я желаю тебе счастья. Такого, которое здесь возможно.

Тихо. Без давления. И от этого ещё сложнее.

Я закрываю глаза на секунду. Внутри – не буря, а усталость. Пять лет пустоты. Пять лет без сна. Без прикосновений, которые что-то значат.

– Счастье не входит в контракт, – произношу я ровно.

– Тогда пора пересмотреть условия.

Я усмехаюсь едва заметно.

– Ты не можешь переписать корпорацию.

– Нет, – соглашается он. – Но могу быть рядом, когда она давит слишком сильно.

Тишина становится мягче.

Я поворачиваюсь к нему.

– Ты слишком много берёшь на себя.

– Это тоже семейное.

Несмотря на всё, уголки губ чуть дрогнули.

Он подходит ближе, но не касается. Редко переходит границу без разрешения.

– Я не контролирую твою жизнь, Силина. И не собираюсь. Но если ты снова начнёшь гаснуть – я это замечу.

Слова звучат спокойно. А внутри что-то болезненно откликается. Потому что он действительно замечает.

Медленно выдыхаю.

– Я не гасну.

– Нет, – тихо отвечает он. – Ты просто научилась не светиться.

И в этом, как всегда, он оказывается прав.

Я тихо усмехаюсь.

– В Сигнум-Сити?

– Хоть где.

Я смотрю на него внимательнее.

– Ты правда думаешь, что оно существует?

– Что?

– Счастье.

Он не отвечает сразу. Подходит ближе, ставит стакан на стол рядом с моим. Между нами снова меньше метра.

– Я думаю, – говорит он тихо, – что если кто-то и имеет шанс его выжить, то это ты.

Выжить. Не найти. Не получить. А именно выжить. Я чувствую, как внутри боль едва заметно смещается.

– Ты слишком веришь в меня.

– Нет, – он качает головой. – Я просто знаю, на что ты способна.

Мы молчим. В воздухе – виски, табак и невысказанное прошлое.

Смок.

Клауд.

А теперь – Аэралис.

– Если там будет опасно, – тихо добавляет он, делая большой глоток, – ты вернёшься.
Не приказ. Просьба.

Я смотрю ему прямо в глаза.

– Я всегда возвращаюсь.

– И всё же... мы не виноваты во взрыве, – говорит он, не глядя на меня. – Думаю, Аэралис тут тоже ни при чём. В тот день многие потеряли близких.

Его голос звучит ровно. Так ровно, что внутри я ощущаю сигнал ярости.

Руфус резко ставит стакан на стол. Стекло ударяется о поверхность с глухим звуком.

– А Ральф? – мой голос становится ниже. Жёстче. – Ему было всего четыре года. И сейчас было бы больше.

Внутри всё окончательно обрывается.

Перед глазами на секунду – не кабинет, не огни города, а маленькие пальцы, вцепившиеся в мою форму. Его смех. Светлые волосы, растрёпанные ветром у порталного узла.

Я сглатываю.

– Лина! – он впервые повышает голос. Не сильно. Но достаточно, чтобы воздух между нами сжался. – Я их тоже потерял. И этот взрыв – непреодолимое горе и для меня!

Он делает шаг ко мне. В его глазах больше нет холодного расчёта директора. Там злость. И боль. Наша общая боль.

– Да, сейчас майором был бы Смок. А ты, возможно, растила бы ещё одного ребёнка, и своего. Может быть, жила бы в другом секторе. Может быть, не стояла бы сейчас передо мной с этим каменным лицом.

Каждое может быть бьёт сильнее выстрела.

– Но хватит.

Тишина падает тяжёлой плитой. Я чувствую, как дыхание становится неровным. Не от слёз. От давления в груди.

– Ты думаешь, я не прокручивал тот день сотни раз? – продолжает он уже тише. – Думаешь, я не проверял каждый отчёт? Каждый сбой? Каждый фрагмент записи?

Он подходит ближе. Нависая надо мной, что в нос отчётливо бьёт запах парфюма.

– Я искал виноватых, и себя в том числе.

Я впервые поднимаю на него глаза без защиты.

– И что ты нашёл?

Он смотрит прямо.

– Пустоту.

Слово звучит страшнее любого обвинения.

– Это был не приказ Совета. Не диверсия Аэралиса. Не ошибка Смока.

– Тогда что? – мой голос предательски хриплый.

– Что-то другое.

В комнате будто становится холоднее.

– В тот день параметры скачка не совпадали с известными нам сигнатурами, – говорит он. – Я не говорил тебе. Не хотел... усугублять.

– Усугублять что? Моё чувство вины?

Он резко качает головой.

– Твоё чувство бессилия.

Я отворачиваюсь. Сжимаю пальцы до побелевших костяшек.

– Я должна была быть быстрее...

– Ты не бог, Силина.

– Но я была там!

– И ты выжила.

Слова режут. Как приговор на казнь.

Он делает ещё шаг и мягче добавляет:

– Если бы кто-то мог это остановить – Смок бы остановил. Он не был глупцом. И он не позволил бы ребёнку оказаться рядом с тем, что не контролирует.

Я закрываю глаза. В голове снова – вспышка. Гул. Давление в ушах. Свет.

– Ты не обязана носить этот день как наказание, – говорит Руфус.

– А как мне его носить?

Он не отвечает сразу.

– Как память. Не как приговор.

Я открываю глаза.

– Легко сказать.

– Нет, – он качает головой. – Нелегко. Я каждый год прихожу к тому месту. Ты не знаешь об этом.

Я замираю.

– Что?

– Зона всё ещё закрыта. Но я прихожу. Без протокола. Без охраны.

Город за стеклом кажется далёким.

– Зачем?

Он смотрит в окно.

– Чтобы напомнить себе, что контроль – это иллюзия. И что мы не всем управляем.

Тишина. Медленная. Тяжёлая.

– Если это были не мы и не Аэралис... – тихо говорю я. – Значит, кто-то играет по своим правилам.

Он переводит взгляд на меня.

– Именно поэтому ты отправляешься туда.

Внутри снова появляется то самое ощущение – вибрация. Не горе. Предчувствие. И вдруг я понимаю – возможно, взрыв 2166-го года был не концом, а началом. И если это так... То Ральфу действительно было бы сейчас больше. И, может быть, не всё тогда было тем, чем казалось.

Дверь открывается бесшумно.

Руфус не поворачивается. Он стоит у окна, глядя на город под куполом – светящийся, искусственно спокойный.

– Отвези её домой, – произносит он спокойно. – Это тебе можно поручить, солдат?

Я медленно оборачиваюсь.

В дверях стоит Клауд. Чёрная форма, идеально выверенная посадка, очки скрывают глаза. Лицо почти неподвижно. Но напряжённые плечи выдают его сильнее слов.

Он слышал достаточно.

– Да, директор.

Коротко. Сдержанно.

Руфус наконец поворачивается. Приближается ко мне ближе. Его ладонь ложится на мою макушку, пальцы мягко скользят по волосам. Жест привычный, почти братский – но сегодня в нём больше заботы, чем формальности.

– Отлично, – тихо говорит он.

Он наклоняется и оставляет лёгкий поцелуй в волосах.

– Отдохни. Наберись сил. Скоро начало миссии.

Я киваю. Не знаю, что именно сейчас труднее – миссия или то, что происходит между нами троими в этой комнате.

Коридор встречает холодом и запахом стерильного воздуха.

Клауд идёт на полшага впереди. Не касается меня. Не смотрит. Но я чувствую его напряжение кожей – как электрическое поле.

Лифт спускается мягко, без рывков. В замкнутом пространстве слышно только наше дыхание.

– Ты могла остаться, – говорит он, не глядя.

– Не могла.

Пауза.

– Он снова повышал голос.

– Имеет право.

Клауд слегка усмехается. Горько.

– Конечно.

Паркинг под куполом гудит низким фоном двигателей. Акито сегодня не за рулём. Клауд сам открывает для меня пассажирскую дверь.

Машина стартует плавно, но быстро. Световые линии города вытягиваются в серебряные полосы. Вибрация дороги ощущается в позвоночнике.

– Не гони, – тихо говорю я.

– Я контролирую.

Его пальцы крепче сжимают руль.

Мы едем молча. Город за стеклом кажется нереальным – слишком ровный, слишком правильный. Ни крика, ни хаоса. Только иллюзия порядка.

– Ты отправляешься в Аэралис, – наконец произносит он.

– Да.

– И ты не просила меня сопровождать.

Я поворачиваю голову.

– Ты хочешь?

Он молчит. Свет приборной панели мягко очерчивает линию его челюсти. Она напряжена.

– Я не хочу быть тем, кто тебя сдерживает.

– А ты сдерживаешь?

Он бросает на меня короткий взгляд.

– Иногда.

Апартаменты встречают тишиной. Дверь закрывается за нами с глухим щелчком. Внутри полумрак. Панорамное окно показывает ночной город, размытый фильтрами купола.

Я снимаю куртку. Тяжёлая ткань падает на кресло. Напряжение в плечах становится почти болезненным, когда мышцы наконец расслабляются.

Клауд остаётся у двери.

– Ты злишься? – спрашиваю я.

– Я думаю.

– Это хуже.

Он снимает очки. Медленно. Его взгляд оказывается гораздо откровеннее, чем слова.

– Мне не нравится, когда он касается тебя. Прямо.

Я поднимаю бровь.

– Он мой брат.

– Я знаю.

Но в его голосе – не логика. Чувство. Он подходит ближе. Не резко. Осторожно. Как будто проверяет, не оттолкну ли я его.

Я не отступаю. Между нами остаётся меньше шага. Его ладонь касается моей талии. Неуверенно. Потом увереннее.

– Ты пахнешь его кабинетом, – тихо говорит он.

– Древесина и холодный металл? Виски и табак?

– И напряжение.

Я выдыхаю. Его пальцы скользят выше – по спине, вдоль позвоночника. Медленно. Не требовательно. Скорее – проверяя, здесь ли я, настоящая ли.

Я чувствую, как животный инстинкт отвечает быстрее, чем разум.

– Клауд...

– Скажи, если хочешь, чтобы я ушёл.

Я смотрю на него.

– Останься.

Слово вырывается тише, чем я ожидала. Он не набрасывается. Не торопится.

Просто закрывает глаза на секунду – как будто выдыхает напряжение, которое носил в себе годами. Когда открывает, в них что-то меняется. Не голод. Не похоть, что-то глубже. Он наклоняется медленно. Даёт мне время – каждую миллисекунду, каждый миллиметр. Его губы касаются моей щеки. Потом линии скулы. Потом уголка губ.

Не спеша. Почти осторожно. В этом нет спешки. Нет грубости. Есть голод, который долго держали под контролем.

Я чувствую, как дрожит его рука, когда он прикасается к моей талии. Неуверенно. Потом увереннее. Ладонь ложится на изгиб, пальцы сжимаются – и я понимаю, что он боится. Боится, что я исчезну или передумаю.

Я цепляюсь пальцами за его куртку. Ткань тёплая под ладонями. Чувствую, как бьётся его сердце – быстро, слишком быстро для человека, который всегда всё контролирует.

Он прижимает меня ближе. Я чувствую его дыхание у шеи – горячее, прерывистое. Его губы касаются кожи там, где пульс. Медленно. Изучающе.

– Силина, – выдыхает он.

Голос сорван. Почти чужой.

Его ладони скользят по спине, вдоль позвоночника. Каждый позвонок – как отдельное прикосновение. Он не торопится. Он словно запоминает меня наощупь, боится упустить деталь.

Я запрокидываю голову. Он пользуется моментом – губы скользят по шее ниже, к ключице. Оставляют горячий след. Я чувствую, как тело отвечает быстро, отключая разум окончательно – мышцы расслабляются, дыхание учащается, внизу живота разливается тяжесть.

– Я думаю об этом, – шепчет он между поцелуями. – Каждую ночь.

Его руки находят замок молнии, медленно спускаясь вниз. Пальцы скользят под ткань – касаются голой кожи. Я вздрагиваю.

– Ты не представляешь, как я...

Он не договаривает. Я тяну его за воротник вниз, заставляя наклониться. Наши губы встречаются. Поцелуй не нежный. Он жадный, глубокий, почти отчаянный. Я чувствую вкус кофе и что-то ещё – его, настоящего, без масок. Он целует так, будто это в последний раз. Будто завтра война. Будто после этой ночи ничего не будет.

Я отвечаю тем же. Мои пальцы зарываются в его волосы, чёрные пряди скользят между пальцами. Он выдыхает мне в рот – горячо, прерывисто.

– Ты...

Я стягиваю с него куртку. Он помогает – одним движением стягивает остальное через голову. На секунду я вижу его тело – поджарое, тренированное, со старым шрамом под ребрами. Потом он снова прижимается ко мне, и я чувствую жар его кожи через тонкую ткань своей формы. Мы смещаемся к стене. Он прижимает меня спиной к холодной поверхности. Контраст – холод сзади, жар спереди – вышибает дыхание.

Его рот на моей шее. Руки везде – талия, бёдра, грудь. Он не груб, но настойчив. Каждое прикосновение – вопрос. Каждое – ответ.

Я снимаю с него остатки одежды. Он помогает – торопливо, путаясь в застёжках. Я слышу, как рвётся ткань. Плевать.

– Я хочу тебя, – выдыхает он, отстраняясь на секунду.

В полумраке его глаза горят. Зелёные. Безумные. Он смотрит на меня так, будто я – единственное, что имеет значение.

Я сама снимаю форму. Бросаю на пол. Его взгляд скользит по мне – медленно, жадно. Я вижу, как расширяются зрачки. Как темнеет зелень радужки.

– Ты красивая, – тихо говорит он. – Ты всегда была красивой, но сейчас...

Он не договаривает. Вместо слов – прикосновения. Губами к ключице. К плечу. Ниже. Я чувствую, как дрожит его дыхание на моей коже. Как руки сжимаются на бёдрах – сильно, до синяков.

Я толкаю его к дивану. Он падает на спину, глядя на меня снизу-вверх. Глаза тёмные, почти безумные в этом свете.

– Ты уверена? – спрашивает он.

В голосе – последняя попытка контроля. Вместо ответа я сажусь на него сверху. Он стонет. Глухо, сдавленно, запрокидывая голову. Я вижу, как пульсирует жилка на его шее. Как напрягаются мышцы пресса под моими бёдрами.

Его руки ложатся на мою талию. Пальцы сжимаются – сильно, почти больно. Хорошо.

– Силина, – выдыхает он. – Пожалуйста...

Я не знаю, о чём он просит. Чтобы я остановилась? Чтобы продолжала? Чтобы убила его этой близостью?

Двигаюсь медленно. Смакуя каждую секунду. Каждое движение отдаётся в нём дрожью – он пытается контролировать себя и проигрывает, его бёдра подаются навстречу. Инстинктивно. Неудержимо.

Я наклоняюсь – волосы падают на его лицо. Он ловит пряди и перебирает пальцами. Целует. Смеётся – коротко, безумно.

– Я схожу с ума, – шепчет он.

– Знаю.

Я целую его в уголок губ. В скулу. В закрытое веко. Он переворачивает нас одним движением. Теперь я снизу, он сверху. Нависает, опираясь на локти. Я тону в этом.

– Теперь моя очередь, – выдыхает он.

И начинает двигаться. Медленно. Глубоко. Так, что я забываю, как дышать. Каждый толчок – как удар сердца. Ритмичный, глубокий, неотвратимый. Я цепляюсь за его плечи, оставляя следы ногтями. Он чувствует, ему нравится след от моих прикосновений, на его теле.

– Силина... – шепчет он мне в шею. – Силина...

Только моё имя. Как молитву. Как заклинание.

Я обхватываю его ногами. Притягиваю ближе – хочу почувствовать всего, без остатка. Он стонет мне в плечо – глухо, сдавленно. Темп нарастает. Воздух становится густым. Запах пота, секса, близости. Город за окном продолжает светиться – равнодушный, искусственный.

А здесь – реальность. Живая. Горячая. Он доводит меня до края быстро – слишком быстро. Я пытаюсь сдерживаться, продлить, но тело не слушается.

– Я... – выдыхаю я.

Он ускоряется. Почти грубо. Почти отчаянно. И когда мир взрывается – перед глазами только его лицо. Распахнутые глаза. Зелёные. Безумные. Любящие.

Он ловит мой крик губами. И через секунду сам теряет контроль.

Мы лежим в тишине. Его голова у меня на груди. Волосы слиплись – чёрные пряди на моей коже, контрастные, почти вызывающие. Я перебираю их пальцами, распутывая колтуны.

Он молчит. Дышит ровно. Но я знаю – не спит.

– Ты дрожишь, – тихо говорю я.

– Я боюсь.

– Чего?

Он поднимает голову. Смотрит мне в глаза.

– Что завтра ты войдешь в переход. И всё изменится.

Я глажу его по щеке. Щетина колет пальцы.

– Всё уже изменилось.

Просто. Без защиты. Я притягиваю его для поцелуя. Долгого. Тёплого. Без голода – с нежностью.

Он выдыхает. Кладёт голову обратно мне на грудь.

– Я влюблён в тебя, – говорит тихо. – Давно. Сильнее, чем можно.

Я молчу, не потому что не чувствую. Потому что слова не вмещают. Вместо ответа я глажу его по волосам. Снова и снова, за окном Сигнум пульсирует огнями.

Ноги несут в ванную автоматически – мышцы помнят распорядок раньше, чем мозг просыпается. Кафель под ступнями холодный, стерильно-белый, с подсветкой по контуру. Сигнумский стандарт: ни одной лишней детали, ни грамма тепла.

Я забираюсь под душ. Вода ударяет сверху – тяжёлая, горячая, с таким напором, что кажется, будто стоишь под водопадом. Система знает мои настройки: сорок три градуса, максимальная интенсивность.

Закрываю глаза и позволяю потокам бить в плечи, в спину, в затылок. Это единственное место, где я позволяю себе отпустить контроль. Горячая вода разбивает напряжение. Пар поднимается клубами, оседает на стеклянных стенах кабины. Я радуюсь тому, как мышцы расслабляются – медленно, неохотно, будто прощаясь с защитой.

Я не слышу, как он входит. Только чувствую – кожей, затылком, каждой клеткой, которая вдруг понимает, что больше не одна. Воздух за спиной меняется – становится плотнее, горячее. Его рука ложится на мой позвоночник. Медленно. Снизу-вверх. От поясницы до лопаток. Пальцы скользят по мокрой коже, оставляя за собой дорожки мурашек. Вода продолжает хлестать сверху, но теперь каждый удар каплей отдаётся внутри.

– Ты чересчур долго, – говорит он тихо.

Голос почти теряется в шуме воды, но я слышу. Всем телом. Я не отвечаю. Просто стою, закрыв глаза, и позволяю ему вести. Его ладони на моих плечах. Большие пальцы давят на напряжённые узлы мышц – сильно, до сладкой боли. Потом ниже – по лопаткам, вдоль позвоночника, до самой поясницы.

Я выдыхаю.

– Хорошо?

– Да.

Он прижимается грудью к моей спине. Кожа к коже, мокрая, горячая. Я чувствую его сердце – оно бьётся где-то между моих лопаток, быстро, неровно.

– Я не хочу отпустить тебя, – шепчет он в мокрые волосы.

Я откидываю голову ему на плечо. Подставляю шею под его губы. Он целует – там, где пульс бьётся сильнее всего. Медленно. Вкусно. Его руки скользят по моему животу, задерживаются на талии, сжимают бёдра. Пальцы впиваются в кожу – сильно, до белых следов, которые тут же смывает вода.

Я чувствую его сзади. Твёрдый. Готовый. Он прижимается – и я ощущаю каждым сантиметром тела, как тяжело ему сдерживаться.

– Чёрт...

Это молитва. Оборачиваюсь. Вода хлещет по лицу, но я не закрываю глаз.

Смотрю на него. На мокрые чёрные волосы, прилипшие ко лбу и щекам. На зелёные глаза, которые в этом паре кажутся почти прозрачными. На губы – приоткрытые, влажные, дрожащие.

Он подхватывает меня под бёдра и поднимает – легко, будто я ничего не вешу. Мои ноги обхватывают его талию. Спина прижимается к холодному кафелю стены – контраст обжигает, выбивает дыхание.

Он – внутри, входит одним движением. Резко. Глубоко. Я вскрикиваю – и звук тонет в шуме воды, в паре, в этом белом кафельном аду.

– Тише, – шепчет он мне в губы. – Я здесь.

Он держит меня под бёдра – крепко, почти до боли. Стена впивается в спину, но я не чувствую ничего, кроме него. Кроме того, как он заполняет меня целиком. Без остатка.

– Смотри на меня, – просит он. – Пожалуйста.

Я открываю глаза. В них – он. Зелень, размытая паром, влагой, слезами, которых нет. Его рот приоткрыт, дыхание сбито, на лбу – капли, не разобрать, вода это или пот. Он двигается во мне и мир сужается до этого момента. До ударов воды по спине. До холода кафеля. До жара его тела. До ритма, который ускоряется.

Запрокидываю голову. Вода бьёт в лицо, в грудь, в живот. Я чувствую, как напрягаются мышцы, как приближается край – быстро, слишком быстро.

– Клауд...

Он кусает мою ключицу – не больно, в самый край. И ускоряется.

Вода. Пар. Он. Я.

Всё смешивается.

Оргазм накрывает волной – такой же сильной, как этот искусственный водопад. Я кричу – вжимаюсь в него, царапаю плечи, теряю себя.

Он ловит мой рот своим – и стонет внутрь. Глухо. Долго. Отчаянно.

Мы замираем, вода продолжает хлестать. Он опускает меня на пол медленно, ноги дрожат – пришлось опереться о стену.

Он стоит рядом, тяжело дыша, упираясь лбом в мой лоб.

– Я не хочу, чтобы это заканчивалось, – шепчет он.

– Всё заканчивается.

– Ты веришь в это?

– Я это знаю.

Скоро утро, но сейчас – только мы. Он засыпает первым. Дыхание выравнивается, тело обмякает. Я смотрю на его лицо во сне – без масок, без контроля, обычное, уязвимое. И впервые за долгое время чувствую, что тоже могу иногда дышать. Он рядом. Тёплый. Живой. Одна рука лежит на моей талии – тяжёлая, надёжная.

Я закрываю глаза и проваливаюсь в темноту.

Глава 4

Дата: 14 ноября 2171-го года

Три дня до годовщины взрыва.

Ночь под куполом всегда звучит одинаково – глухо и приглушённо, будто город дышит через фильтр. Ни ветра, ни настоящих перепадов давления. Только ровный гул стабилизаторов где-то в глубине конструкции.

Воздух в апартаментах прохладный, с лёгким металлическим привкусом очищенной атмосферы. Система поддерживает идеальные параметры – влажность, температуру, уровень кислорода. И всё же иногда кажется, что он слишком стерильный. Слишком правильный.

Я просыпаюсь до рассвета – как всегда.

Сон был коротким. Резким. Свет. Вибрация. Крик, которого не слышно – только ощущение давления в грудной клетке, будто пространство сжимается внутрь.

Открываю глаза. Потолок ровный. Белый. Без трещин. Без пульсации. Мир на месте. Я лежу неподвижно ещё несколько секунд, проверяя себя. Пальцы рук. Плечи. Дыхание.

Сердце стучит быстрее нормы. Рядом – пусто.

Постель холоднее, чем должна быть. Клауд ушёл давно. Он всегда уходит тихо – так, чтобы не потревожить. Или чтобы не задержаться.

На экранной панели мигает уведомление: *Смена началась. Не гони.*

Я невольно усмехаюсь. Он знает, что я не гоняю, просто не замедляюсь. Душ смывает липкость ночи, но не воспоминания. Вода пахнет озоном – стандартная очистка через плазменные фильтры. Тонкая струя бьёт по коже, и я ощущаю каждый миллиметр. Кожа стала чувствительнее. Почти болезненной. Последние дни фон усилился.

Я чувствую это на уровне нервных окончаний – лёгкое покалывание вдоль позвоночника, будто кто-то едва касается электрическим импульсом. Тело реагирует раньше датчиков. Так было и тогда.

Выключаю воду резко, почти резко для себя. Не сейчас.

Когда я выхожу в гостиную, город уже просыпается. Панорамное окно открывает вид на центральный сектор – стеклянные башни, транспортные линии, мягкое золотистое свечение под куполом.

Свет искусственно имитирует рассвет. Спектр рассчитан до процента. Он должен вызывать чувство безопасности, стабильности, начала нового дня. Но он никогда не бывает по настоящему тёплым. Я подхожу к стеклу ближе.

В отражении – мокрые волосы, жёсткая линия подбородка, тени под глазами, которые не скрывает даже идеальное освещение. За пределами центрального сектора едва различим тёмный край – там начинается Нижний. Там ткань пространства тоньше.

И дальше – за границей датчиков и разлома – Аэралис. Сегодня – заседание Совета по подтверждению миссии. Официально – «встреча с правителем Аэралиса».

Протокол взаимодействия.

Дипломатическая стабилизация.

Неофициально – проверка устойчивости границы. И меня.

Пять лет назад я стояла перед другим экраном. С другими данными. И была уверена, что контролирую ситуацию. Контроль – самая опасная иллюзия, Руфус прав.

Я отворачиваюсь от окна и активирую внутренний канал связи. На стене загорается голографическая схема Южного узла. Пульсация стабильная, но амплитуда скачков выше нормы.

– Покажи динамику за последние десять суток, – говорю я.

График расширяется.

Рост – постепенный. Почти незаметный для большинства.

Но если смотреть не глазами, а телом – это чувствуется как приближающаяся гроза.

– Вероятность критического разрыва? – тихо спрашиваю.

– Двенадцать целых, четыре десятых процента и растёт, – отвечает нейросистема.

Двенадцать – это уже не статистическая погрешность. Провожу пальцами по проекции узла. Там, где пять лет назад всё обрушилось.

Нет, не там.

В другом месте. Но ощущение то же.

Сегодня Совет будет смотреть не только на цифры. Им плевать на диаграммы, на графики стабильности разлома, на проценты допуска к порталному узлу. Они будут смотреть на меня. На то, как я стою. Как дышу. Как держу плечи. Дрожат ли пальцы. Не от страха – от памяти.

Им нужно убедиться, что я – инструмент. Не открытая рана.

В тот день все индикаторы упали ниже нормы. Пульс – скачкообразный. Аномальная проводимость – нестабильна. Нейронная реакция на кристаллическое излучение – выше допустимого. Моё состояние было нестабильным ровно столько, сколько нужно для ликвидации. Не для лечения. Для списания.

Они уже готовили формулировку.

«Эмоциональная деградация боевой единицы».

«Утрата боеспособности».

«Риск утраты контроля над аномальным откликом».

«Неэффективность при стратегической нагрузке».

Я читала их мысли по тому, как они избегали смотреть мне в глаза. Руфус отстоял моё право остаться. Холодно. Безупречно. С цифрами, аргументами, юридическими лазейками. Он разбивал их логику так же точно, как я – черепа в ближнем бою. И всё же в тот день он был разбит не меньше моего.

Я видела это по тому, как он задержал взгляд на секунду дольше обычного. По тому, как его пальцы сжались на краю стола – едва заметно. По тому, как он ни разу не назвал меня майор. Потому, как умолял взять себя в руки. Потому, как прижимал к себе, что бы скрыть слёзы.

Он сказал:

– Она остаётся. Ответственность беру на себя.

Не как гендиректор. Как Вейр.

Глобал Корпорэйшн была построена на холоде. На расчёте. На идее, что чувства – слабость, которую можно удалить хирургически. Её основатель – Аурелион Вейр – верит в порядок. В систему. В то, что мир можно удержать, если правильно расставить фигуры.

Он стал моим приёмным отцом. Иногда я думаю – из жалости. Иногда – из расчёта.

Они нашли меня в Нижнем секторе. Грязную. Молчаливую. Слишком спокойную, для ребёнка. Руфус тогда был ещё мальчиком – слишком светлым для этого города, старше меня на три года. Он протянул мне протеиновый батончик, до сих пор помню его вкус. Сладкий. Пластиковый. Нереальный. Я не знала своих родителей, только возраст. Не знала фамилии. Не знала, кто я.

Когда меня спросили имя, я сказала:

– Силина. И показала на пальцах – пять. Этот день, стал днём рождения.

До этого был приют. До приюта – провал. Пять лет жизни, стёртые, как сбойная запись.

Аурелион сказал тогда:

– Имя – это контракт с миром.

Теперь я расплачиваюсь за этот контракт каждый день:

За фамилию Вейр.

За форму майора.

За доступ к Ядру.

За право стоять перед Советом и не опускать взгляд.

Боевая единица первого ранга. Майор – на бумаге. Инструмент точечного устранения – в реальности. Убийца холодного расчёта.

Я даже не помню, скольких убила. Первые лица остаются. Они всегда остаются. Первый выстрел – слишком громкий. Первая кровь – слишком тёплая. Первый взгляд – самый долгий. После десяти перестаёшь считать. После двадцати – перестаёшь различать. После нескольких лет – перестаёшь винить себя.

Не потому что не больно. Потому что иначе не выжить. Сначала ты оправдываешься. Потом остаётся только тишина.

Я научилась смотреть на цель как на задачу. Не как на человека. У цели есть координаты. Есть уровень допуска, есть вероятность сопротивления. У цели нет имени. Иногда ночью, но утром я снова надеваю форму, и всё становится на свои места.

Плечи ровно. Пальцы не дрожат. Пульс стабилен. Совет не хочет знать, сколько жизней я забрала. Их интересует только одно – эффективна ли я. А я эффективна.

Они смотрят на меня и видят идеальный механизм. Я же чувствую, как внутри накапливается пепел. После определённого количества лет перестаёшь винить себя, но не потому, что простила. А потому что вина становится частью конструкции. Фоном.

Как гул реактора – его не замечаешь, пока он не даёт сбой, и я боюсь не того дня, когда Совет признает меня нестабильной. Я боюсь дня, когда я перестану чувствовать вообще.

Они думают, что спасли меня. Возможно. Но иногда мне кажется, что в тот день в Нижнем секторе они нашли не ребёнка. Они нашли нестабильность. И теперь боятся, что она перестанет им подчиняться.

Я выключаю проекцию. Подхожу к столу. Беру жетон майора. Металл холодный.

– Ты готова, – говорю себе тихо.

В отражении стекла на секунду кажется, будто за моей спиной кто-то стоит. Я резко оборачиваюсь. Пусто. Только ровный гул Купола и работа системы.

В штабе пахнет старым металлом и синтетической бумагой. Вентиляция гудит ровно, почти усыпляюще. Этот звук всегда действует на новобранцев – расслабляет. На тех, кто служит давно, он работает иначе: как напоминание, что система жива и следит.

Акито уже ждёт у входа в зал тактических брифингов. Спина прямая, форма без единой складки. В его присутствии всегда есть что-то устойчивое – как бетонный фундамент под стеклянной башней.

– Ты рано, – говорит он, не поднимая взгляда от планшета.

– Не спала.

Он не задаёт лишних вопросов. Просто протягивает мне данные.

– Фон по Восточному узлу снова вырос. Показатели нестабильности – плюс восемь процентов за сутки.

Я пробегаю глазами по графикам. Амплитуда скачков не хаотична. Есть ритм.

– Аэралис?

– С их стороны – тихо.

Слишком тихо. Именно это и тревожит.

Я чувствую это снова. Тонкую вибрацию под кожей, как если бы пространство слегка дрожало, готовясь к сдвигу. Неприятное ощущение – как предчувствие падения в лифте за секунду до рывка.

– Ты думаешь о том же, о чём и я? – тихо спрашивает Акито.

– Что кто-то раскачивает ткань изнутри?

Он кивает.

– Паттерн не похож на внешнее давление. Это... резонанс.

Я увеличиваю проекцию. Действительно. Волны накладываются, усиливая друг друга.
– И ты отправляешься туда, – говорит он.
– Да.
– Без меня.
– Да.
Он выдыхает. Почти незаметно. Но я слышу.
– Это плохая идея, – с раздражением произносит он.
– Все хорошие идеи закончились в 2143-ем.
Он не улыбается. В его взгляде – не ирония. Расчёт.
– Тогда это самая плохая идея за последнее время.
Мы стоим молча, глядя на голограмму.
– Ты не просто контакт, – говорит он, наконец. – Ты маркер. Если с тобой что-то случится, это будет означать, что граница больше не условность.
– Поэтому я и отправляюсь.
– Именно поэтому ты не должна.
Я поворачиваюсь к нему.
– Акито, если это внутренний резонанс, нам нужно понять источник. Аэралис – единственное место, где совпадают сигнатуры.
– Или кто-то хочет, чтобы мы так думали.
Он прав. Я складываю планшет.
– Ты останешься здесь. Контролируй Южный и Восточный узел. Если фон превысит двадцать процентов – немедленно закрывай переход.
– Даже если ты будешь по ту сторону?
Я выдерживаю его взгляд.
– Особенно если я буду по ту сторону.
Тишина между нами становится плотнее.
– Тебе не кажется странным, – медленно говорит он, – что скачки начались за неделю до даты?
Дата. Пять лет.
Я чувствую, как внутри всё холодеет.
– Думаешь, совпадение?
– Думаю, – он делает паузу, – что кто-то знает, как ты реагируешь на эту неделю.
Слова ложатся тяжело.
– Ты считаешь, это персонально?
– Я считаю, что ты – не случайная переменная в этой системе.
Я отвожу взгляд.
– Не начинай.
– Я не начинаю. Я фиксирую факт. Взрыв. Ты выжила. После этого твоя чувствительность к искажениям выросла. И каждый крупный скачок совпадает с твоим присутствием в зоне.
– Это потому что меня отправляют туда, где скачки. А они в узлах.
– Или скачки возникают там, где ты.
Внутри что-то неприятно сжимается.
– Это уже паранойя.
– Это аналитика.
Мы оба понимаем, что истина может быть где-то посередине.
– Я не центр этого, – говорю я жёстче, чем нужно.
– Никто не говорит, что центр, но ты – точка пересечения.
Слова задевают глубже, чем я ожидала.

В зале за дверью начинают собираться офицеры. Голоса, шаги, звук открывающихся планшетов.

– Если что-то пойдёт не так, – тихо говорит Акито, – я нарушу протокол.

– Не нарушишь.

– Нарушу.

Я смотрю на него. Друг, не солдат, именно друг.

– Тогда я буду знать, что всё действительно плохо.

Он слегка усмехается. Не широко – уголком губ. Так, будто уже просчитал исход разговора и просто наблюдает, как я к нему приду.

– Вот теперь это звучит как плохая идея. Возьми с собой Клауда. Мне так будет спокойней.

Я смотрю на него, не моргая.

– Ты ведь не серьёзно?

– О, я очень серьёзен.

Тишина повисает между нами плотнее брони. Клауд – солдат. Техник. Человек, который знает слишком много и стреляет слишком хорошо.

– Это миссия, – произношу я ровно. – Не экскурсия.

– Именно поэтому, – спокойно отвечает Акито. – Мне нужен кто-то, кто будет думать, пока ты действуешь.

– Я всегда думаю.

– Ты – после.

Это почти удар. Я делаю шаг ближе. Свет панели отражается в его карих глазах холодным стеклом.

– Он будет мешать.

– Он будет свидетелем, – поправляет Акито.

Теперь всё встаёт на место.

– Ты мне не доверяешь?

Он выдерживает паузу. Томительно долгую.

– Я доверяю тебе больше, чем кому-либо. Именно поэтому я хочу, чтобы рядом был тот, кто напомнит тебе, где заканчивается операция... и начинается личное.

– Так доверяй и сейчас.

Двери в зал брифингов открываются.

– Майор Вейр, – произносит система оповещения.

Я делаю шаг вперёд.

Основатель сидит в центре зала, неподвижный, словно высеченный из камня, который помнит ещё первый день Разлома. Свет сверху падает ровно, подчёркивая резкие линии лица, тени под глазами – не от усталости, а от прожитых решений.

Руфус – по правую руку. Прямая спина. Холодная сдержанность. Только пальцы, сцепленные чуть сильнее обычного, выдают напряжение. Наши взгляды встречаются лишь на секунду.

В этой секунде – больше, чем в протоколах.

– Майор Вейр, – голос Основателя сухой, без интонации, как лезвие, проведённое по стеклу. – Подтвердите готовность.

– Готова.

Мой голос звучит твёрдо. Ни дрожи, ни паузы. Я умею держать дыхание ровным. Особенно рядом с ним.

– Вы осознаёте, что в случае провокации приоритет – стабилизация границы, а не личные контакты?

– Осознаю.

Слова падают в зал тяжёлыми каплями. Он смотрит дольше обычного. И в этом взгляде – не просто проверка. Это вскрытие. Он ищет трещины. Ищет слабость. Ищет ту девочку, которая пять лет назад стояла в дыму и не успела.

– Ваши эмоциональные связи с событиями 2166-го года не повлияют на принятие решений?

В груди холодеет. Не боль. Лёд. Руфус едва заметно напрягается. Его плечи замирают, как перед выстрелом.

Весь зал будто ждёт моего сбоя. Я чувствую их взгляды кожей.

– Нет, – отвечаю я.

Ложь, но не та, которую можно измерить приборами. Это не истерика, не срыв. Это контролируемое пламя подо льдом.

Основатель медленно кивает.

– Отправление завтра в 07:30. Переход через порталный узел.

Секунда тишины.

– Заседание окончено.

Стулья двигаются почти бесшумно. Люди поднимаются, переговариваются вполголоса. Металлический блеск столешницы гаснет, экраны гаснут один за другим. Протокол закрыт, но я всё ещё стою. Плечи расправлены. Подбородок чуть выше нормы. Сенсор на запястье светится ровным холодным светом – стабильна. Формально.

Глобал Корпорэйшн не любит задержек. Если заседание окончено – ты уходишь. Если тебя не отпустили – значит, ты ещё не свободна. Руфус делает едва заметный жест пальцами, приглашая пройти за ним. Не как гендиректор. Как человек, которому нужно продолжить разговор без свидетелей.

Я иду следом.

Дверь его кабинета закрывается мягко, герметично. Звук отсекает всё – голоса, шаги, систему. Он устало опирается ладонями в край стола. На секунду кажется старше своих лет. Не генеральный директор. Просто мужчина, который слишком давно не спал спокойно.

– Руфус?

Он не оборачивается сразу.

– Не нравится мне всё это.

– Как и мне, – с выдохом говорю я.

Он выдыхает сквозь зубы, медленно выпрямляется.

– Поэтому я отправлюсь с тобой. Ты – боевой солдат, а не политик. Переговоры останутся моей прерогативой.

– Я умею говорить, – сухо отвечаю я.

– Ты умеешь давить и острить. Это другое.

Он подходит ближе. Слишком близко для делового тона. Пространство между нами сокращается до дыхания. Я не отступаю. Его пальцы касаются моего подбородка – легко, почти невесомо. Поднимают лицо чуть выше. Не приказ. Не ласка. Проверка.

– Как ночь?

В его голосе нет смеха. Только тихий, опасный интерес. Я смотрю ему прямо в глаза.

– Оргазмично.

Секунда тишины. Уголок его губ едва заметно приподнимается.

– Так и думал.

Он не убирает руку сразу. Его взгляд скользит по моему лицу, словно сверяет показатели – пульс, зрачки, дыхание.

– Ты выглядишь спокойной, – говорит он тише. – Ощутимо спокойной.

– Это проблема?

– Для Совета – нет. Для меня – да.

Я перехватываю его запястье. Не грубо. Просто фиксирую.

– Я боеспособна, Руфус.

– Я знаю.

– Тогда перестань смотреть на меня так, будто я могу рассыпаться.

Он наклоняется чуть ближе. Наши голоса становятся почти шёпотом. Жар дыхания опалывает лицо.

– Ты не рассыплешься. Ты взорвёшься.

Между нами электричество – не магическое. Человеческое. Опасное. То, которое не прописано ни в одном протоколе.

Я отпускаю его первой.

– Ты берёшь на себя переговоры, – ровно произношу я. – Я беру безопасность.

– И контроль.

– Контроль – это иллюзия.

Он усмехается.

– Именно поэтому я еду с тобой.

Я разворачиваюсь к двери.

– Постарайся не мешать работать.

– Постарайся не убивать никого на приёме, – спокойно отвечает он.

Рука ложится на сенсор двери. На мгновение я замираю.

– Руфус?

– Мм?

– Если станет личным... не останавливай меня.

Пауза.

– Силина, – его голос снова жёсткий, деловой. – Я всегда останавливаю то, что может разрушить систему.

Я не спрашиваю, что именно он имеет в виду – систему или меня.

Дверь открывается. И холод коридора возвращает нас обоих в роли, из которых мы никогда полностью не выходим. Сегодня он кажется длиннее обычного.

Свет – холодный, ровный, почти хирургический. Шаги гулко отражаются от стен. Люди расходятся в разные стороны, голоса стихают, и через несколько секунд остаёмся только мы.

– Ты могла отказаться, – тихо говорит Руфус, догоняя меня.

Его голос не звучит как у директора. В нём нет официальной дистанции.

– Нет.

Я не замедляюсь.

– Это не приказ. Это запрос.

– Запрос правителя Аэралиса на лучшего бойца. Если я откажусь – это будет сигнал слабости.

– Иногда слабость – это стратегия.

Я резко останавливаюсь. Он делает ещё шаг и оказывается слишком близко. В его глазах – не расчёт. Беспокойство.

– Ты на миссии не только как боец, – говорит он тише.

– А как кто?

– Как человек, который чувствует сдвиги раньше приборов.

Между нами повисает тишина. Я слышу собственное дыхание.

– Ты думаешь, это связано с взрывом?

Он отводит взгляд всего на долю секунды и этого достаточно.

– Я думаю, – медленно произносит он, – что произошедшее в 2166-ом не было случайностью.

Холод проходит по спине. Не резкий. Тягучий.

- Ты что-то знаешь?
- Нет, – его голос слишком ровный, слишком выверенный. – Но я чувствую.
- Я смотрю на него внимательно. Не как на брата. Не как на директора. Как на человека, который скрывает.
- Руфус.
- Он молчит.
- Пять лет назад ты проверял отчёты. Ты сказал это вчера. Все отчёты. Все записи.
- Да.
- И?
- Он делает вдох.
- И параметры взрыва не совпадали ни с одной известной сигнатурой Аэралиса.
- И?
- И не совпадали с нашими экспериментальными протоколами.
- Сердце делает лишний удар.
- Тогда что это было?
- Аномалия.
- Это слово ничего не объясняет.
- Потому что у меня нет объяснения.
- Я делаю шаг ближе.
- Или ты не можешь его озвучить?
- Его челюсть слегка напрягается.
- Лина...
- Ты боишься, что я сорвусь? Или что я пойму?
- Он смотрит прямо. Впервые без маски.
- Я боюсь, что если ты поймёшь – тебе придётся выбирать.
- Между чем?
- Он не отвечает сразу. В коридоре проходит офицер. Короткий кивок. Мы автоматически отступаем на шаг друг от друга.
- Когда шаги стихнут, он продолжает тише:
- Если это было вмешательство третьей стороны... значит, кто-то умеет работать с тканью пространства лучше нас. И лучше Аэралиса.
- Кто?
- Не знаю.
- Ложь. Или полуправда.
- Ты сказал, что сигнатуры не совпадали.
- Да.
- Но они были?
- Он замирает.
- Вот она. Тонкая трещина.
- Были фрагменты, – наконец произносит он. – Повторяющиеся паттерны. Но тогда они казались шумом.
- А сейчас?
- Сейчас они появляются снова.
- Воздух будто становится тяжелее.
- Южный узел?
- И не только.
- Я чувствую, как внутри что-то встаёт на место. Как кусочек мозаики, который долго не подходил.
- Ты отправляешь меня туда не просто для контакта, – тихо говорю я.

– Я отправляю тебя, потому что ты единственная, кто может почувствовать источник.
– И если источник – не Аэралис?

Он смотрит на меня.

– Тогда всё, что мы считали границей, окажется лишь декорацией.

Сердце стучит громче.

– Почему ты не сказал этого на Совете?

– Потому что у меня нет доказательств.

– Но есть интуиция.

– А интуиция плохая валюта в политике.

Я усмехаюсь.

– Зато хорошая на войне.

Он подходит ближе. Почти касается – воздух между нами становится плотным, будто в нём больше кислорода, чем положено. Но в последний момент останавливается.

– Если что-то пойдёт не так, – говорит он тихо, – не геройствуй.

Я чуть приподнимаю бровь.

– Ты просишь невозможного.

– Я прошу выжить.

Просто – выжить.

Тишина между нами становится мягче. Уже не напряжение, а что-то иное. Усталость. Беспокойство. То, о чём мы никогда не говорим напрямую.

– Это приказ? – спрашиваю я, глядя ему прямо в глаза.

Он выдерживает мой взгляд. Ни тени сомнения.

– Да, майор Вейр. Это приказ.

Формулировка возвращает нас в систему координат, но в его голосе есть то, чего нет в официальных распоряжениях.

Я делаю шаг назад, восстанавливая дистанцию.

– Приказы я выполняю, – отвечаю ровно.

– Именно поэтому я их отдаю.

Мой сенсор тихо вибрирует – уведомление о подготовке к отправке. Реактор уже настраивается на частоту перехода. Время сжимается.

Он опускает взгляд на мгновение, будто проверяет, не дрожат ли мои руки.

Они не дрожат.

– Силина, – добавляет он уже тише, без титула, – я не могу позволить себе потерять тебя.

В этих словах нет романтики, и есть правда, которую он не разворачивает до конца. И это радует.

Я киваю.

– Тогда не ставь меня в ситуации, где придётся выбирать.

– Выбор – это твоя специализация, – сухо отвечает он.

Я усмехаюсь.

– Нет. Моя специализация выживать.

Я разворачиваюсь к двери, и прежде чем выйти, произношу, не оборачиваясь:

– Приказ принят.

За спиной слышится его тихий выдох.

Вечером я возвращаюсь домой раньше обычного. Стекланные стены отражают огни центрального сектора, кажется, будто я зависла между двумя городами – настоящим и тем, который мы создали, чтобы не сойти с ума.

Город под Куполом светится мягко, почти красиво. Свет выверен до идеала: ни слишком яркий, ни слишком тусклый. Иллюзия безопасности работает безупречно. Люди идут по улицам, смеются, спешат домой, держат детей за руки.

Они верят, что граница стабильна. Что система держит, но в воздухе есть что-то ещё. Запах грозы, металлический, острый, как перед разрядом. Хотя дождей здесь не бывает. Ни ветра, ни облаков, ни настоящих бурь. Только Купол.

Я подхожу к окну. Прикладываю ладонь к стеклу. Оно прохладное. Слишком ровное. Ни вибрации, ни дрожи, но под кожей – лёгкое покалывание.

Жизнь продолжается.

А за границей – тьма, не абсолютная, нет, скорее – живая, глубокая. Там, где начинается Аэралис, свет перестаёт быть равномерным. Там он пульсирует. Там нет Купола.

Телефон тихо вибрирует.

Сообщение от Клауда: *Я буду рядом до самого перехода.*

Я: *Почему ты не связываешься через имплант?*

Ответ приходит не сразу. Он в штабе – я знаю его график. Индикатор печатает... появляется и исчезает дважды.

Клауд: *Потому что их иногда прослушивают. Вряд ли оператор будет рад, когда я скажу, что хочу тебя.*

Я закатываю глаза, но уголки губ всё равно дрогнули.

Я: *Ты мог выразиться иначе.*

Клауд: *Мог, но тогда это было бы не так честно.*

Я отхожу от окна, сажусь на край дивана.

Я: *С каких пор тебя волнует оператор?*

Клауд: *Меня не волнует оператор. Меня волнует, что любой нестандартный сигнал перед миссией помечается флагом.*

Он прав. За сутки до перехода всё отслеживается тщательнее.

Я: *Это обычная процедура.*

Клауд: *Нет. Это усиленный протокол.*

Пауза.

Я: *Ты что-то видел?*

Ответ приходит через несколько секунд.

Клауд: *Я видел, что твою миссию согласовывали трижды. И что Совет запрашивал данные о твоём психоэмоциональном состоянии.*

Я замираю.

Я: *Это стандарт.*

Клауд: *Нет, стандарт – один запрос. Три – это сомнение.*

Сердце бьётся чуть быстрее.

Я: *Сомнение во мне?*

Клауд: *Сомнение в миссии.*

Я медленно выдыхаю.

Я: *И ты решил не использовать имплант, потому что...*

Клауд: *Потому что разговоры сохраняются. А я не хочу, чтобы кто-то анализировал, как меняется твой пульс, когда я говорю, что скучаю.*

Дрожь поднимается к груди неожиданно.

Я: *Ты скучаешь?*

Ответ приходит почти мгновенно.

Клауд: *Да. И ты это знаешь.*

Я провожу пальцем по краю терминала.

Я: *Ты злишься.*

Клауд: Да.

Честно. Без украшений.

Я: На Руфуса?

Долгая пауза.

Клауд: Нет.

Я: Я вернусь.

Клауд: Я знаю, но я не контролирую разломы.

Его сухой стиль даёт трещину.

Клауд : *И если честно... я не хочу говорить по общему каналу то, что предназначено только тебе.*

Я смотрю на отражение города.

Я: Например?

Пауза. Длиннее предыдущих.

Клауд: *Например, что, если бы миссию можно было отменить – я бы отменил. Запер бы тебя в апартаментах и методично, упрямо, почти одержимо фиксировал бы каждый твой срыв дыхания, каждую потерю контроля, каждую ночь, в которой ты забываешь быть солдатом. Вёл бы подсчёт не показателей стабильности, а количества оргазмов – как доказательство того, что ты жива.*

Я: Это звучит как нарушение субординации.

Клауд: Это и есть нарушение.

Я медленно печатаю:

Я: *Когда всё закончится, свяжешься через имплант?*

Ответ приходит сразу.

Клауд: *Когда всё закончится, я приду лично.*

Я задерживаю дыхание.

Клауд: *До встречи, майор.*

Я: *До встречи, солдат.*

Завтра. Всё начнётся завтра, и почему-то внутри меня крепнет ощущение, что это не просто миссия.

Это возвращение к точке, где всё однажды оборвалось. Пять лет назад свет был другим. Я помню, как воздух стал густым, как в лёгких не хватало пространства. Помню звук – не взрыв, а скорее рвущийся шов.

Как будто ткань мира не выдержала натяжения.

И если Руфус прав... Я лечу туда, где началась трещина.

Я открываю глаза и вглядываюсь в линию горизонта под Куполом. Там, где свет постепенно темнеет.

– Если ты проверяешь границы, – шепчу почти беззвучно, – я приду.

Ответа нет, но покалывание усиливается. Словно кто-то уже знает, что я сделала шаг.

Глава 5

Допуск к порталному реактору не выдают впервые за годы, его возвращают.

Это тонкая разница. Когда я спускаюсь на уровень Ядра, платформа идёт дольше обычного, или мне так кажется. Металлические стены отражают моё лицо – спокойное, собранное, без признаков нестабильности. Сенсоры формы показывают норму.

Пульс – 62.

Магический фон – в пределах.

Нейроотклик – ровный.

Я идеальна.

Двери раскрываются. Портальный переход Глобал Корпорэйшн – это не машина. Это храм технологии. Огромное цилиндрическое пространство, уходящее вниз на десятки метров. В центре – разлом, не рваная дыра, а вытянутая вертикальная трещина в воздухе, будто сама реальность дала сбой.

Он дышит. Тонкие линии света проходят по стабилизаторам. Кристаллические узлы удерживают поле. Инженеры стоят по периметру – напряжённые, молчаливые.

Я делаю шаг вперёд, и в этот момент разлом меня замечает.

Это невозможно – так говорят протоколы. Разлом реагирует на частоты, на энергию, на программные импульсы, не на людей, но воздух передо мной дрожит.

По стеклянному полу проходит едва заметная пепельная рябь. Свет в трещине меняет оттенок – с холодного синего на серо-белый. Как пепел после огня.

– Зафиксирован скачок, – говорит кто-то из техников. – Источник... не идентифицирован.

Я не двигаюсь. Разлом вытягивается чуть шире. Будто делает вдох.

В ушах появляется низкий гул. Не механический. Живой.

– Майор Вейр, оставайтесь на месте, – звучит голос оператора.

Поздно.

Я чувствую это не снаружи – внутри. Как если бы что-то в моей крови отозвалось на зов.

Вспышка.

На долю секунды свет гаснет. Стабилизаторы дают сбой. На экранах вспыхивают предупреждения.

– Перегрузка поля!

– Частота смещается!

– Кто активировал вторичный канал?!

Я стою в центре круга, и разлом смотрит только на меня.

В груди становится горячо. Пепельное тепло поднимается по позвоночнику. По швам костюма проходит слабое свечение – почти незаметное, но камеры его фиксируют.

Я моргаю, и всё возвращается к норме. Свет стабилизируется. Гул исчезает. Показатели выравниваются.

Только тишина остаётся слишком плотной. Медленный выдох.

– Сбой устранён, – докладывает инженер, хотя в его голосе нет уверенности. – Вероятно, статическое наложение частот.

Статическое наложение.

Так они это назовут в отчётах. Так это останется в системе – аккуратной, стерильной строкой без намёка на то, что разлом только устроил бунт.

Я поворачиваюсь – и встречаюсь взглядом с Руфусом. Он ничего не говорит, но его молчание тяжелее любого приказа, и именно в этот момент начинается переполох.

Операторы переговариваются быстрее обычного, кто-то вызывает дополнительную диагностику стабилизаторов, по периметру зала загораются жёлтые линии проверки. Свет становится резче.

Ко мне подходит аналитик из биоблока – худой, слишком сосредоточенный, с портативным сканером в руке.

– Майор Вейр, закатайте рукав.

Я не двигаюсь секунду.

– Это обязательно?

– Протокол после энергетического скачка.

Я медленно закатываю рукав формы. Материал отходит, обнажая кожу. Сенсор на запястье всё ещё светится ровно. Игла входит быстро, почти безболезненно, капля крови исчезает в прозрачной капсуле. Результат появляется быстрее, чем должен. Аналитик бледнеет.

– Что не так? – голос Руфуса звучит спокойно. Слишком спокойно.

– Генеральный директор Вейр... – аналитик сглатывает. – Анализ крови показывает повышение уровня магической активности. Показатель выше нормы допуска для полевых офицеров.

– Насколько выше? – сухо.

– На восемнадцать процентов.

В зале становится тише.

– Причина? – продолжает Руфус.

– Возможное воздействие нестабильных секторов. Майор часто бывает в зонах с повышенным фоном. Накопительный эффект. Рекомендуются ввести антидот для стабилизации.

Антидот, я почти улыбаюсь.

– Незадача с вами, майор, – говорит Руфус ровно и поворачивается ко мне.

В его глазах нет паники. Только вычисление.

– А может, не судьба? – произношу я тихо.

Это рискованная фраза. Почти личная. Он делает шаг ближе, так, чтобы нас не слышали.

– Нашу судьбу определяют наши поступки и выборы. Свою ты давно определила сама.

Я выдерживаю его взгляд.

– Лишь бы с тобой не расставаться.

Он улыбается. Легко. Почти незаметно, но эта улыбка – как трещина в броне.

– Это уже не вопрос судьбы, Силина.

Антидот вводят прямо там. Холодная волна проходит по вене, поднимается к плечу. Сенсоры фиксируют постепенное снижение показателей.

Разлом в центре зала снова выглядит обычным. Послушным. Сдержанным. Слишком спокойным.

Руфус оборачивается к персоналу.

– Переход переносят на сутки. Проведите полную калибровку стабилизаторов. И повторный анализ крови через четыре часа.

– Есть.

Он снова смотрит на меня.

– Отдыхай, Силина.

Это звучит как приказ, и как просьба.

Официальная формулировка – дополнительная калибровка стабилизаторов.

Неофициальная – никто не понимает, что произошло. Антидот снижает показатель.

– Четыре часа на отдых, да это подарок, – произношу вслух самой себе и следую к выходу.

Я нахожу Клауда в техническом коридоре. Он выглядит бледнее обычного, планшет прижат к груди, как щит.

– Ты это почувствовала? – спрашивает он тихо.

– Почувствовала что?
Он смотрит на меня так, будто проверяет, можно ли говорить.
– Оно откликнулось на тебя.
Я не отвечаю. Он делает шаг ближе.
– Силина... это не просто сбой. Это резонанс. Твоя частота совпала с ядром.
– И?
– И это плохо.
– Почему?
– Потому что ядро не должно совпадать ни с кем. Оно должно подчиняться алгоритму.
Я усмехаюсь.
– Алгоритмы пишут люди.
– Именно.
Он понижает голос.
– Ты понимаешь, что это значит? Если Совет свяжет скачок с тобой, они не отправят тебя на миссию. Они закроют тебя в исследовательском блоке.
Слово закроют звучит слишком легко. Я смотрю в сторону реакторного зала.
– Руфус этого не допустит.
– Руфуса не спросят.
Клауд делает вдох – резкий, как перед прыжком.
– Нам нужно уйти.
Я поворачиваюсь к нему медленно.
– Что?
– Я проверял архивы. Силина, есть данные о скрытых экспериментах с магической кровью. С совпадением частот. С наследственными маркерами. Если ты – один из таких случаев...
– Я не эксперимент, – отрезаю я.
– Ты не знаешь этого.
Тишина становится холодной.
– Уйти куда? – спрашиваю я.
– В закрытые зоны. Есть маршруты через Пустоши. Я могу отключить трекеры и импланты. Мы исчезнем.
Мы. Я смотрю на него, пытаюсь принять услышанное.
– Это паника.
– Это расчёт! – впервые он повышает голос. В нём нет истерики, только отчаянная убеждённость. – Ты для них лишь боевое оружие.
– Я майор Силина Вейр!
– Силина, я хочу уйти с тобой.
Я изучаю его так долго и внимательно, что всё стало складываться крайне очевидно, до неприятности очевидно.
– Ты ведь давно планировал? Так ведь?
Он не отводит взгляда.
– Да. И надеялся, что ты будешь рядом.
Внутри что-то тихо оседает. Не удивление. Не гнев. что-то хуже – понимание.
– Клауд... – мой голос становится тише. – Не знаю, что ты там видел в архивах. Но Руфус тут ни при чём. В таких обстоятельствах я его не оставлю.
Он вздрагивает, будто я ударила.
– Почему ты так держишься за него?
Вопрос звучит не ревниво. Больно. Я отвечаю не сразу.
Память вспыхивает:

Нижний сектор, холод, грязь, слишком яркий свет прожекторов. Маленький мальчик с идеально чистыми руками. Протеиновый батончик в ладони. И взрослый мужчина, который смотрит не на грязного ребёнка, а на перспективу.

– Потому что он подал руку, – говорю я ровно. – И выхватил меня из жестоких объятий обстоятельств.

Клауд сжимает челюсть.

– Это не значит, что ты обязана платить ему жизнью.

– Я не плачу. Я решаю и принимаю.

– Это одно и то же!

– Нет, – качаю головой. – Это разница между пленом и верностью.

Он делает шаг ближе.

– Ты называешь это верностью? Силина, они держат тебя на поводке.

– Я сама надела этот поводок.

Тишина становится тяжёлой. Почти вязкой. Воздух между нами трещит. Он не боится. Он правда готов.

– То, что ты говоришь сейчас, – открытый акт предательства и неподчинения, – произношу я медленно, словно зачитываю протокол. – Я могу арестовать тебя и ликвидировать.

Он делает шаг ближе, будто проверяет границу.

– Но ты этого не сделаешь.

– Почему?

Он смотрит на меня так, словно видит не форму, не ранг, не фамилию. Только меня.

– Потому что ты не монстр.

Его пальцы бережно касаются моей руки. Осторожно, будто я могу рассыпаться от грубости. И от этого прикосновения внутри что-то болезненно сжимается.

– Я уйду, – говорит он тише. – Но после вернусь за тобой. Надеюсь, будет не поздно.

Меня словно ледяной водой окатывает. Сердце впервые за долгое время сбивается с ритма резко, громко, неправильно.

Он ведь не серьёзно? Через сколько его поймут? Час? Два? День? Я знаю систему. Я часть системы.

Я поднимаюсь на носках, сокращая дистанцию, и аккуратно склоняюсь к его уху.

– Больше ничего не говори, – шепчу едва слышно. – Я, как и ты, не знаю всех возможностей импланта. Отключи его и сразу уходи. Желательно подальше от башни Глобал.

Мой голос ровный. Почти спокойный. Но пальцы впиваются в его ладонь сильнее, чем должны.

– Я не пойду, – добавляю. – У нас с тобой разные судьбы, солдат, и в этой нам уже давно не по пути.

Слово солдат режет. Я целую его. Не осторожно. Не правильно.

Он поддаётся – отчаянно, будто это не поцелуй, а последний глоток воздуха перед погружением. Его руки дрожат, или мои – я уже не различаю.

В этом поцелуе нет нежности. Только страх, гнев и невозможность изменить выбор. Он пахнет кофе, озоном и чем-то слишком живым для этого места. На секунду я позволяю себе забыть – кто я. Где я. Что нас ждёт, его ладони скользят по моей спине, прижимая ближе. Сердце стучит в грудной клетке так громко, что кажется, его слышит весь сектор.

Я перваярываю контакт.

– Уходи, – выдыхаю почти беззвучно.

Он смотрит на меня так, будто хочет запомнить каждую черту.

– Ты пожалеешь, – говорит он не как угрозу, а как боль.

– Уже жалею.

Я отступаю на шаг. Потом ещё один. Форма снова становится бронёй. Плечи расправляются. Лицо холодеет.

– Уходи, Клауд, – произношу я уже голосом майора. – Пока я не передумала.

– Береги себя, майор.

– Береги себя, солдат.

Он стоит ещё мгновение. Затем разворачивается. Я не смотрю, как он уходит, потому что если посмотрю – сорвусь, но на какой шаг. И впервые за много лет я понимаю: быть не монстром – куда опаснее, чем быть оружием.

Глава 6

Башня Глобал никогда не спит.

Она дышит светом, данными и контролем. Стеклянные стены отражают город так, будто держат его внутри, а не наоборот.

Я лежу на сканере тела в медицинском отсеке. Холодная платформа под спиной. Надо мной – кольцо диагностического поля, медленно вращающееся и считывающее каждый импульс, каждую вспышку в крови. Четыре часа прошли.

– *Показатели в норме.*

– *Магический фон стабилен.*

– *Аномалий не выявлено.*

Голос голограмм безличен. На экране – идеальная диаграмма. Слишком идеальная. Антидот сделал своё дело, или сделал вид.

Я смотрю в потолок и думаю о Клауде. Он не из тех, кто бросает слова на ветер, если сказал, что уйдёт – уйдёт.

Дверь отсека открывается без звука. Руфус не входит внутрь – он остаётся за стеклянной перегородкой. Его силуэт строгий, неподвижный.

Общая связь щёлкает.

– Генеральный директор Вейр, – звучит голос оператора. – Получен сигнал об отключении импланта солдата Клауда Шира.

Внутри что-то сжимается. Руфус не меняется в лице.

– Подтверждение? – спокойно.

– Имплант деактивирован вручную. Сигнал потерян в пределах внутреннего сектора.

Потерян. Это слово всегда означает одно – кто-то решил исчезнуть. Я медленно сажусь на платформу. Сканер гаснет.

– Запустить протокол перехвата? – спрашивает оператор.

Пауза длится долю секунды, но я знаю Руфуса достаточно хорошо, чтобы понимать – за эту долю он уже просчитал варианты.

– Нет, – говорит он. – Ложное срабатывание возможно при перегрузке системы. Пере проверьте канал.

Оператор колеблется.

– Но, сэр...

– Это приказ.

Связь обрывается. Он поднимает взгляд на меня через стекло. Мы ничего не говорим, но он знает. И я знаю, что именно он знает.

Острый укол проходит вдоль позвоночника – медленно, как сканер, считывающий каждую слабость. Дверь медицинского блока открывается. Я выхожу в коридор. Он ждёт уже не за стеклом – прямо напротив. Ближе, чем положено.

– Ты что-то знаешь об этом?

Голос спокойный. Слишком спокойный. Провокация? Вопрос с подвохом? Тест на лояльность?

– Силина, я задал вопрос. От твоего ответа зависит многое. Мне повторить?

Вот оно. Не гендиректор. Не стратег. Судья.

Я смотрю прямо в его глаза.

– Отпусти его.

Тишина. Она звенит, как натянутый провод.

– Почему? – спрашивает он.

Без злости. Пока.

– Потому что я остаюсь.

Это удар. Я вижу, как в нём что-то сдвигается. Лицо каменеет. Челюсть напрягается.

– Ты просишь меня закрыть глаза на дезертирство. На саботаж. На прямое нарушение протокола.

– Да.

– Ради чего?

– Ради меня.

Секунда. И он бьёт кулаком в стену.

Звук глухой. Тяжёлый. На матовом металле остаётся тёмное пятно крови – кожа на костяшках разбита. Капля медленно стекает вниз.

Белый дьявол, которого я знаю, редко теряет контроль.

Я никогда не видела, чтобы он делал это из-за человека.

Я приближаюсь к нему вплотную прежде, чем успеваю подумать. Беру его лицо в ладони, заставляя посмотреть на меня.

– Брат, пожалуйста.

Просьба вырывается сама. Он замирает. Во взгляде – трещина. В дыхании – сбой.

– Силина... – он закрывает глаза на секунду. – Это предательство.

– Это желание жить!

Мой голос дрожит впервые.

– Он не создан для этой системы. Он задохнётся здесь. Ты знаешь это.

– И ты думаешь, что вне её он выживет?

– У него будет шанс.

– А у тебя?

Я слатаываю.

– Я свою судьбу определила.

Он смотрит на меня долго. Так, будто пытается увидеть, где заканчивается решимость и начинается жертва.

– Ты выбираешь его?

– Я выбираю, чтобы не убивать его своими руками.

Это правда. Он выдыхает резко.

– Ты понимаешь, что если Совет узнает, я не смогу тебя защитить?

– Тогда не защищай.

Это звучит спокойнее, чем я чувствую. Он осторожно убирает мои руки от своего лица, но не отступает.

– Почему ты остаёшься? – спрашивает тише. – Если всё так плохо – почему?

Я не отвожу взгляда.

– Потому что кто-то должен быть внутри, чтобы знать, что происходит.

– Это не ответ.

– Потому что я не бегу.

– Это упрямство.

– Это решение.

Тишина снова между нами. Но теперь она другая – тяжёлая, личная. Он поднимает окровавленную руку и проводит большим пальцем по моей щеке – оставляя тонкий алый след.

– Ты просишь меня стать соучастником.

– Я прошу тебя довериться мне.

Он почти смеётся. Горько.

– Я доверился тебе в тот день, когда назвал сестрой.

Сердце сжимается.

– И не ошибся.

– Не уверен.

Я делаю шаг ближе, почти касаясь его лбом.

– Если ты отдашь приказ на поиск – его найдут.

– Да.

– Если не отдашь – тебя спросят.

– Да.

– И ты всё равно готов? Ты ведь уже решил.

Он смотрит на меня, как будто видит не майора. Не актив. Девочку с грязными руками и пустым взглядом.

– Ради тебя, – говорит он тихо, – я уже готов на слишком многое.

Внутри что-то ломается окончательно. Это становится очевидным.

– Тогда отпусти его.

Долгая пауза. Очень долгая. Потом он отворачивается.

– Пятнадцать минут, – произносит глухо. – После этого я обязан запустить протокол.

Я закрываю глаза.

Пятнадцать минут – это целая жизнь.

Когда я снова открываю их, он уже снова генеральный директор. Спина прямая. Плечи выровнены. Голос ровный, но кровь на стене ещё не высохла.

– Спасибо... – тихо.

Он даже не смотрит на меня.

– С тебя должок.

Это звучит почти привычно. Почти легко, но мы оба понимаем цену.

Я достаю комм-устройство. Пальцы на мгновение замирают над сенсором. Если связь перехватят – он исчезнет быстрее.

Я активирую закрытый канал.

– Где ты?

Тишина. Секунда. Две.

– Силина? – его голос тихий, напряжённый. – Я думал, ты...

– Говори координаты.

– Минус тридцать один. Восточный технический сектор. Я у старой линии охлаждения.

– Не двигайся.

Я срываюсь с места.

Каблуки формы почти не слышны на полированном полу. Коридоры башни вытягиваются в туннели света. Люди расступаются, кто-то приветствует, кто-то отводит взгляд.

Я нажимаю кнопку лифта. Двери закрываются. Отражение в зеркальной поверхности смотрит на меня холодно.

– Время, – шепчу себе едва слышно.

Лифт уходит вниз слишком медленно. Каждый уровень – как отсчёт.

Минус десять. Минус двадцать. Минус двадцать семь.

Сенсор на запястье вибрирует – внутренние службы активизируются. Протокол ещё не запущен, но система уже насторожена.

– Силина... – снова голос Клауда в ухе. – Они засекли движение в секторе.

– Это обычный аудит. Не паникуй.

– Ты говоришь так спокойно.

– Я и есть спокойна.

Ложь.

Двери открываются. Запах старого металла, пыли и масла. Здесь тише. Здесь система слышит хуже. Я бегу по узкому коридору, огибая кабели, перешагивая через устаревшие модули. Вижу его.

В тени, у аварийного шлюза. Без формы. Без оружия. Без защиты.

Человек.

– Ты пришла, – выдыхает он.

– У тебя осталось меньше четырёх минут.

Я передаю ему карту доступа и тонкий магнитный ключ.

– Этот шлюз выведет тебя в старую энергомагистраль. Дальше – по тоннелю до внешнего кольца. Не поднимайся к поверхности раньше третьего сектора.

Он смотрит на меня, будто пытается понять, не сон ли это.

– Ты правда это делаешь.

– Я уже сделала.

Где-то в глубине башни раздаётся низкий сигнал. Предупреждение. Три минуты.

Он хватается за запястье.

– Пойдём со мной.

– Нет.

– Силина...

– Я остаюсь.

– Ради чего?

Я не отвечаю.

– Ради себя, – добавляю наконец.

Вторая сирена – тихая, почти не слышная. Внутренний поиск активирован. Две минуты.

Я подталкиваю его к шлюзу.

– Иди.

Он не двигается.

– Я вернусь.

– Не надо.

– Я не оставлю тебя здесь.

– Ты уже оставляешь, – тихо.

Он смотрит на меня так, будто хочет запомнить каждую черту. Потом резко притягивает к себе и целует – коротко, почти болезненно.

– Живи, – шепчет он.

– Ты тоже.

Я активирую шлюз. Металл скользит в сторону, открывая тёмный тоннель.

Он исчезает в темноте.

Шлюз закрывается.

Секунда.

Вторая.

И только тогда я позволяю себе выдохнуть. Имплант получает сигнал.

– Протокол перехвата запущен, – сообщает оператор. – Поиск объекта Клауд Шир открыт.

Я выпрямляюсь.

– Принято, – отвечаю голосом майора.

Пять минут истекли. Но он уже вне зоны прямого сканирования.

Я стою в пустом техническом секторе, слушая, как по башне расплзается система поиска. Сирены не воют – они дышат. Низко. Ровно. Как хищник, взявший след.

– Майор?

Я оборачиваюсь. Три солдата. Полный тактический комплект. Штурмовые винтовки на магнитных креплениях. Лица скрыты визорами.

– Приказ – схватить дезертира.

– Я знаю.

Они переглядываются. Секунда замешательства. К чёрту.

– Майор?.. – в голосе первого уже не уверенность. Вопрос.

Ошибка. Я двигаюсь раньше, чем они успевают понять. Шаг – и расстояние исчезает. Рука уходит вбок, пальцы находят рукоять короткого клинка на его бедре. Рывок – металл выходит из ножен без звука.

Горло я перерезаю одним движением. Чисто. Быстро. Без паузы. Кровь брызжет на стену, на мою форму, тёплая, густая. Он падает, даже не успев вскрикнуть.

Второй уже поднимает ружьё. Выстрел. Я смещаюсь влево – пуля проходит в сантиметре от плеча, срывая кусок металла со стены. Искры сыплются вниз. Я влетаю в него корпусом, сбивая прицел. Локоть в солнечное сплетение. Удар в колено. Хруст.

Он падает, но успевает нажать на спуск. Очередь уходит в потолок. Сигнал тревоги усиливается.

Третий солдат активизирует магический модуль на предплечье. По воздуху проходит голубая волна – попытка обездвиживания. Я чувствую её, как ледяную сеть, наброшенную на кожу. Внутри что-то откликается. Вспышка адреналина – короткая, пепельная. Волна ломается, как стекло.

Он замирает.

Я подхватываю винтовку второго, прокручиваю её в руке и бью прикладом в визор третьего. Стекло трескается. Ещё удар. Он отшатывается, но не падает. Быстро учится. Хорошо.

Он бросается вперёд с ножом. Не стреляет – понимает, что дистанция слишком мала. Клинок скользит по моему плечу, оставляя горячую линию боли. Я не реагирую. Боль – это информация. Не больше.

Я перехватываю его запястье, выкручиваю сустав. Он пытается ударить коленом – я блокирую бедром, разворачиваю корпус и вгоняю клинок под рёбра.

Секунда. Его дыхание сбивается.

– Майор... – хрипит он.

Я выдёргиваю лезвие. Он падает. Вторым, с пробитым коленом, пытается дотянуться до пистолета.

Я подхожу медленно. Он смотрит на меня через треснувший визор.

– Это... ошибка...

– Да, – отвечаю спокойно, и перерезаю артерию.

Тишина возвращается резко. Только сирена теперь звучит громче. Я стою среди тел, кровь стекает по перчаткам, по лезвию, по полу. Дыхание ровное. Пульс – выше нормы.

Сенсор на запястье вибрирует. Активирую имплант.

– Майор Вейр, – голос оператора напряжён. – Зафиксировано применение силы в секторе минус тридцать один. Подтвердите статус.

Я смотрю на камеры в углу. Знаю, что он видит. Руфус.

– Дезертир оказал сопротивление, – произношу я чётко. – Потери среди группы перехвата.

Пауза.

Секунда.

Две.

– Принято, – отвечает голос уже холоднее.

Я опускаю клинок. Это была не защита. Это был выбор. Я только что убила своих. Солдат Глобал Корпорэйшн, и внутри нет раскаяния. Есть только ясность. Я переступаю через тело и направляюсь к лифту. Система поиска усиливается, но Клауд уже далеко.

– Это было обязательно? – закрытый канал связи по импланту. Его голос не проходит через общую сеть. Только напрямую. Только ко мне.

Я смотрю на кровь на перчатках. На тела. На медленно мигающий аварийный индикатор.

– Нет.

Пауза. Не короткая. Не формальная. Он обдумывает не приказ – последствия.

– Ладно, – наконец произносит он тихо. – Поднимайся.

Без угроз. Просто – возвращайся.

Я отключаю канал.

Сирена постепенно стихает – сектор перекрыт, тела уже зафиксированы системой. Через несколько минут сюда спустится служба зачистки. Отчёт будет написан. Формулировки – аккуратны.

Я вытираю клинок о рукав одного из солдат и возвращаю его в ножны. Лифт поднимается медленно. Стены снова зеркальные. В отражении – я. Кровь на воротнике. Разрез на плече. Глаза темнее обычного. Пульс постепенно возвращается к норме.

Минус двадцать.

Минус десять.

Нулевой.

Двери раскрываются на уровне приватного сектора. Здесь тише. Свет мягче. Камеры – невидимы, но я знаю, где они.

Апартаменты Руфуса находятся в верхнем крыле башни – стекло, металл и пространство. Личный этаж генерального директора. Доступ только по биометрии.

Дверь открывается, когда я подхожу. Он уже внутри. Стоит у панорамного окна, спиной ко мне. Город под нами – светящийся, холодный, безучастный.

Он не оборачивается.

– Сколько? – спрашивает он.

– Трое.

– Наши?

– Да.

Тишина. Он кивает едва заметно, будто отмечает цифру в уме.

– Клауд?

– Вне зоны прямого сканирования.

– Значит, жив.

Я прохожу вглубь комнаты. Оставляю следы крови на светлом полу. Это выглядит почти символично.

– Ты не стал останавливать протокол, – говорю я.

– Я не могу остановить систему полностью, – отвечает он. – Я могу лишь замедлить её.

Он поворачивается. Его взгляд скользит по разрезу на моём плече, по крови, по рукам.

– Ты ранена.

– Поверхностно.

Он подходит ближе. Без спешки. Пальцы касаются ткани, аккуратно отодвигают край формы. Осматривает рану – холодно, сосредоточенно, но дыхание чуть сбито.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.